НЕФТЕГАЗОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТЮМЕНЬ

Литературно-художественный альманах
литературного объединения
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Арион

Тюмень
2013

Арион

Литературно-художественный альманах
литературного объединения
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Тюмень
«Сити-пресс»
2013

Иванов Л. К.

Арион : литературно-художественный альманах. – Тюмень: «Сити–пресс», 2013. – 112 с.

Очередной номер литературно-художественного альманаха «Арион» составлен из произведений постоянных членов литературного объединения Тюменского государственного нефтегазового университета. В сборник вошли рассказы и стихи авторов, не состоящих в профессиональных творческих Союзах. И тем не менее, большинство из них написаны на очень высоком профессиональном уровне.

Отдельным разделом, под рубрикой «Литературный дебют» даны произведения начинающих авторов. Среди них – школьники, студенты и люди, уже состоявшиеся в своей не связанной с литературой профессии.

© Л.К. Иванов, предисловие. 2013

© ООО «Сити–Пресс». 2013

Вместо предисловия

Вот мы снова и встретились

Литературное объединение Тюменского государственного нефтегазового объединения было создано в 2010 году, как внутривузовское, и присутствовало на первом заседании всего семь человек. Но ЛИТО быстро обрело большую популярность среди людей пишущих и любящих литературу и превратилось в городской, а затем и областной клуб поклонников изящной словесности.

Это именно клуб, в котором авторы устраивают презентации новых книг, знакомят со своими новыми произведениями, почти на каждом заседании звучат авторские песни. В гости к литераторам стали приходить со своими небольшими выставками работ тюменские художники. Первым свои пейзажи и портреты представил Александр Овчинников, затем вернисажи устраивали авторы уникальных работ декоративно-прикладного искусства и мастера кисти, чьи рисунки стали иллюстрациями к изданным сборникам.

В гостях у членов литературного объединения побывали и такие маститые писатели, как Зот Тоболкин, Николай Шамсутдинов, Виктор Строгальщиков, Анатолий Омельчук, Анатолий Васильев, Николай Коняев, Александр Мищенко, Виктор Захарченко, Мирослав Бакулин, Александр Шестаков, Сергей Комаров, Максим Осколков, презентации своих новых книг устраивали известные писатели Фёдор Селиванов, Станислав Ломакин, Ольга Данилова-Пушкарь, Владимир Шугля, Василий Михайлов, Светлана Моор, Ольга Ожгибесова, Александр Аханов, Юрий Папин, Сергей Камышников, Ирина Жгурова, Анатолий Малышев, Константин Гурьев и другие.

На заседании клуба состоялись писательские дебюты поэтов Владислава Корнилова, Татьяны Малишевской, Якова Емцова, Анатолия Ушакова, Славины Усольцевой, Владимира Галата, прозаиков Ирины Андреевой, Ольги Соколовой, Яны Краузе, Светланы Мандрашовой, Владимира Лысова.

Со своими стихами не раз выступали признанные поэты Виталий Огородников, Андрей Шевцов, Юрий Бутаков, Игорь Ефимович, Сергей Дюкалов, Василий Слободенюк.

Надо отметить, что регулярно приходят на заседания клуба многие члены Союза писателей России и члены Союза российских писателей.

А список тех, кто побывал несколько раз, но в силу разных обстоятельств не может приходить регулярно, превысил уже полторы сотни человек. Причём, некоторые из них живут в Ишиме, Тобольске, Ялуторовске, Нижней Тавде, Ярково, в пригородных посёлках.

Члены литературного объединения нередко выступают в учебных заведениях Тюмени, в библиотеках, на творческих вечерах, сами принимают гостей их других городов и районов. На заседаниях клуба выступали жители Ишима, Тобольска, Ялуторовска, Викуловского и Нижнетавдинского районов, Вологды, Пятигорска и даже Москвы.

Первым руководителем литературного объединения был доктор философских наук, член Союза писателей России, профессор Фёдор Селиванов, а в мае 2012 года на эту общественную должность избран пресс-атташе ТюмГНГУ, автор 9 художественных книг, заслуженный работник культуры РФ Леонид Иванов.

В ТюмГНГУ всегда оказывалась всестороння поддержка людей творческих. В том числе и пишущих. Много лет в вузе издавался литературно-художественный сборник «Факел», затем его славные традиции продолжил литературно-художественный альманах «Арион». Тринадцать лет до выхода на пенсию его редактором-составителем был член Союза писателей России Станислав Ломакин. За эти годы авторами сборника стали не только студенты и преподаватели университета, но и многие известные литераторы Тюмени.

Этот, 14-й номер альманаха, который вы держите в руках, составлен из произведений членов литературного объединения – лицеистов и школьников, студентов и преподавателей тюменских вузов, жителей разных городов и районов области, не являющихся профессиональными писателями. Исключение составляет лишь Станислав Ломакин из большого уважения к нему, как создателю издания. В альманах включены и произведения ушедших из жизни активных членов ЛИТО – учёных и писателей – Юрия Папина и Фёдора Селиванова.

А состоялось издание благодаря поддержке фонда содействия северным и арктическим территориям «Север наш» и лично его президента Юрия Неёлова.

Приятного вам чтения!

И – до новых встреч на станицах «Ариона».

Ян БОМЕ

СЛУШАЯ АЭРОДРОМНУЮ ТРАВУ

Мой друг улетел.

Сейчас его очередь. Его первая очередь.

Первая всегда.

Не потому, что я боюсь или чего – то не умею.

Нет.

Просто, незабываемое ощущение первого в этот день одиночного взлёта, полета, его радость, его приоритет, его неожиданность, я всегда доверяю тому, кто мне близок, кто мне дорог, кто мне сам доверяет и радуется этому первому полету сегодня.

Первый полёт – это ни с чем неописуемое состояние души.

Это, когда на восходе солнца, в полнейшей тишине воздуха, единственными звуками которого является пение птиц, которых только что коснулись солнечные лучи, и они все сразу, будто их кто– то включил, начинают свой гимн новому дню, каждая из птах по – своему, но все они очень ладно и в унисон создают мелодию нового гимна Новому Дню Земли, Новому Дню Вселенной. Это единение тебя со всем прекрасным и многообразнейшим миром.

Это надо услышать, понять и принять.

Тишина…

В этой утренней звонкой тишине только что, чихнув пару раз, встрепенулся маленький авиационный моторчик ,развернул свои черно-желтые крылышки пропеллера (винт самолета это то же крыло) и потянул всё быстрее и быстрее эту серебристую длинную, с большим размахом рук – крыльев машину, сначала по земле, по едва видимой вблизи, аэродромной взлетной еще мокрой от утренней росы травяной полосе, всё быстрее и быстрее, вперёд, а затем и вверх.

Вверх, всё быстрее и выше…

Вот уже под тобой в синей глубокой дымке земля.

Маленькими белесыми сборками из кубиков виднеется внизу город. Уже потерялся из виду твой аэродром.

Видимое снизу просторное и чистое небо вдруг затягивается многослойным пирогом, и ты не видишь ничего, что не только над тобой, но и там, внизу. Не видишь свой аэродром, не видишь свой город, не видишь солнце. Не видишь даже того места, где, находясь на

земле, только что вставало солнце. Ты потерял направление сторон горизонта…

Кругом туманная пелена. Ты не понимаешь, где находишься и не знаешь, куда лететь.

А если тебя со всех сторон окружают плотные белесые кучевые облака, то ты не сможешь определить и свое горизонтальное положение в пространстве. Вполне возможно, что ты летишь боком или даже «вверх ногами».

Ориентироваться помогут только приборы: авиагоризонт, GPS навигатор, компас с высотомером и собственное чутьё.

Плавно, но настойчиво и осторожно ты отклоняешь ручку управления от себя.

Продолжаешь проваливаться в это бесконечное «молоко» и вдруг выныриваешь из него. Выныриваешь как – то боком, почти на «ноже» или вообще в невообразимой плоскости, а всего в сотне метров или меньше под тобой надвигающаяся на тебя земля.

Успей за доли секунды взять в руки себя и свой самолёт.

Выровнять его, сориентироваться, найти свой аэродром, зайти на посадку, выровнять и грамотно посадить самолет.

Пот, страх и разбор полетов – это всё когда– нибудь потом.

Сейчас надо просто и спокойно прийти в себя.

Я гоню свои дурацкие мысли и просто лежу на серебристом брезентовом чехле, еще сохраняющем запах и утренний холод нашего самолета. Лежу бесконечно долго на этом брезенте, брошенном на сырую, аэродромную траву, и слушаю, как растёт трава, укатанная самолетными колёсами-дутышами, политая брызгами авиационного масла, сдобренная бензиновыми выдохами небольших авиационных двигателей.

Эта трава, не смотря на свою аэродромную прописку, сохраняет удивительную живучесть.

Она первая распрямляется из-под снежного зимнего гнёта, когда в округе еще долго будут оседать большие сугробы.

Она первая расцветает неприхотливыми, неяркими полевыми цветами, на которых первыми появляются трудяги – шмели и земляные пчёлы…

Она ещё долго будет сопротивляться наступившей осени, глубокой осени, когда в округе пожелтели и опали с берез листья, почернело и скукожилось под ними некогда пышное разнотравье.

Она будет сохранять свою девственную зелень до самого снега, что заметает и лишает видимой жизни в одночасье всё в наших сибирских просторах.

И в то же время вселяет надежду, что через несколько месяцев, максимум – полгода, терпеливого ожидания снова засияет солнышко, сойдут снега и высохнут вешние ручейки и лужи ,и ты снова будешь разгоняться с этой самой травы, этого самого аэродрома и уноситься ввысь на крыльях человеческого разума и аэродинамических законов Вселенной.

Между мной и моим другом, находящимся в самолете нет никакой связи.

Вот он уже надо мной.

Но почему надо мной!

Почему хвостовым оперением ко мне? Ведь он взлетал вперед от меня…

Полосатая штанина от доисторического человеческого купальника, только что безвольно опустившаяся на всю свою длину вниз, вдруг вытянулась горизонтально эдакой конусной трубой, показывая, что скорость ветра стала значительно больше 10 метров в секунду.

Для наших самолетиков это уже много.

Этот безотказный аэродромный указатель направления и скорости ветра, изобретенный кем-то еще в 19 веке работает и по сей день практически на всех аэродромах мира.

И вот наш самолет, управляемый моим другом, он надо мной. Он летит вперед, а порывистый ветер относит его назад.

Он летит вперед, летит навстречу солнцу. Но если, находясь в нём, посмотреть вниз, посмотреть одновременно на часть фюзеляжа и на выбранную точку там, внизу, то станет ясно, что его относит назад. Назад, несмотря на то, что самолёт стремительно, на всех своих максимальных оборотах и показаниях приборов летит вперёд…

Увы, таковы законы аэродинамики.

Я вижу, как мой друг пытается снизиться, летя по своему курсу.

Иначе нельзя.

Если он развернётся боком к ветру, то ветер с ним сыграет непредсказуемую и злую шутку, которая, в лучшем случае может закончиться перебросом его через крыло и поломкой самолёта.

Можно успеть развернуться по ветру, но его унесет очень далеко. Унесет за аэродром, даже за линию железной дороги в поля, откуда уже не влететь. Еще неизвестно, как там он сможет приземлиться. Скорее всего через капот.

Вот он, резко отдав ручку от себя, уходит глубоко вниз.

И лишь перед самой землей, всего в полутора метрах от её жесткой и шишковатой поверхности, в десятке метров от надвигающегося поезда с вереницей вагонов, выравнивает самолёт, делает короткую пробежку и, топча педали и далеко отклоняя ручку управления на ветер, чтобы не перевернуло, подруливает ко мне.

Глушит мотор, откидывает фонарь кабины и некоторое время сидит молча и неподвижно.

Лишь глаза выдают необыкновенные и очень счастливые мгновения полета.

Мгновения, отделяющие человека и пилота от того состояния, которое разделяет известное всем человеческое бытие и то, что пока неизвестно человечеству…

Всё обошлось. Мой друг победил и он счастлив.

«Ну, что, полетишь?» – спросил он.

«Давай сначала послушаем, как трава растет», – сказал я.

Тюмень 2013 год

Юрий БУТАКОВ

По мотивам встречи с китайскими студентами–поэтами Лю–Веем и Юэ Шэнсяном, в творческой студии ТюмГНГУ

Я не бум-бум в китайских иероглифах,
И с Сюй Чжи-мо подавно незнаком,
Знаком с Петровым, служит он фотографом,
Труд для Валеры – истина, закон!
Я увлечён восточной философией,
В конфуцианстве, чуть имею толк,
И верю в крест, Иисуса на Голгофе я,
Захаживаю в церковь и в костёл…
Но отчего-то манит в поднебесную,
К течению Янцзы и Хуанхэ?
Чтоб заслониться там стеной отвесною,
И встретить птицу под названьем «Хэ»…
Которая, как символ долголетия,
Незримо будет спутником в пути,
Две этих буквы, будто междометие,
Они прекрасны, как ты ни крути…
Поэзию востока, философию,
Не довелось мне изучать в МГИМО,
Семь дней всего писал вот эти строфы я,
Семь лет страдал лишь над одной Чжи-мо.

24.03.2013

О счастье

Счастье не находят на дороге
И не ждут в печали у ворот,
Счастье в каждой ноте, в каждом слоге,
В том, что прожит тот и этот год…
Кто-то рвётся вверх, где правят горы,
Где уступ орлиного гнезда,
Там, где нет и точки для опоры,
А ему земное – ерунда!
А другой в желаниях попроще…
В парке, где лежит февральский снег,
Воробьям бросает хлеба крошки,
И другого счастья будто нет!

18.02.2013

Пространство рая

Весна, апрель, переполох!
Вернулись в край родимый птицы,
Мир южных стран не так уж плох,
Но здесь их дом, там – заграница…
Скворцы – давнишние друзья,
И соловьи – певцы от Бога,
Без этих птах никак нельзя,
Я их встречаю у порога…
Где приютился у реки,
Мой домик скромный с палисадом,
Где я синиц кормил с руки,
Они всю зиму были рядом!
Теперь иная ипостась,
Теперь от края и до края,
Установилась птичья власть,
Даруя мне пространство рая!

7 апреля 2013

Реквием

Памяти земляков, погибших и пострадавших в авиакатострофе под Тюменью, посвящается.

Какое небо голубое!
В нём обаянье высоты,
Но что-то нет в душе покоя,
А состояние маяты

С утра меня всё гложет, гложет,
И оказалось, что не зря,
Случилось горе, ах ты Боже!
Уже нахмурилась заря…

И МЧС забил тревогу!
Разбился в поле самолёт…
В Сургут печальную дорогу
Снег белым пеплом занесёт…

И до того нелепо, горько,
Взлетев, под Горьковкой упасть,
Возможно там и друг мой Борька,
Там все, кто был, частичка, часть.

Моих маршрутов и полётов,
Моих друзей больших родня,
Без траекторий и расчётов
Коснулось горе и меня…

Не скоро боль потерь отпустит,
А за Тюменью, первый дождь…
Апрель льёт слёзы чистой грусти,
На колки поседевших рощ…

3 апреля 2012 года

Заветные места

Грустит камин, в нём нынче нет огня,
Волчонком воет за окошком ветер,
Скользнул позёмкой зимний призрак дня,
А вслед за ним взошёл на царство вечер...

И непреодолима пустота,
Она по стёклам лапами скребётся,
А переплёт оконного креста,
Под натиском окраин сельских гнётся...

Аминь, свят, свят! Спаси и сохрани…
Невольно вспомнится молитва…
Она хрупка, но в нужный час – гранит,
Она благославляет нас на битву…

Тут всё пропитано как будто, колдовством,
И нет селянам от него покоя,
Вот кто–то, притворившийся кустом,
Как зверь невиданный качается и воет…

Спасает день заветные места,
Сомненья снег пушистый кроет…
Мне так понятна эта простота,
Понять одно бы: «В этой жизни, кто я?»

4 февраля 2013 г.

Ольга БЫЧКОВА

Петунии, снег и октябрь

На петунии падал снег,
Обжигаясь, неспешно таял.
Задержался чуть на листве,
Очаровываясь цветами.

Вероломный налёт зимы
На октябрь едва окрепший.
На рассвете расстались мы
У петуний заиндевевших.

Удивлённо качал листвой
Абсолютно зелёный тополь.
Ты под снегом стоял смешной,
Удивлённо глазами хлопал.

По кирпичным коврам осин,
По лимонным кленовым пледам
Шелестел ты уже один,
Я одна шелестела следом.

На петунии падал снег,
Становился лилово–красным.
На щеках моих – твой побег
Поцелуем горит опасным.

05.10.2012 г.

Впечатления от концерта 21 апреля 2013 года

Выдающемуся дирижёру современности, гениальному музыканту, неподражаемому и харизматичному Маэстро Шароеву Антону Георгиевичу посвящается.

Фоном моей полифонии
Выступил воздух апрельский,
А увертюрой симфонии –
Солнца весеннего звон.
Он сонастроил по–детски
С точностью до молекулы,
Долго стоявший на полке
Внутренний камертон.
Не разбивай на мелодии
Многоголосие света,
Пёстрый клубок не разматывай –
Тонких лучей созвучие!
Стоп!
Затаи дыхание!
Это – поёт планета!
Это – зовёт мироздание,
Дарит нам самое лучшее!
Бах!
По паркету жемчужины
Vivo Staccato рассыпались.
Вздрогнула лишь!
Синкопою на канапе опустилась.
Чуткие струны скрипок
Ждали движения пальца.
После аккорда всхлипов
Замерли…
Что же дальше?
Взгляд!
Скорость звука медленней!
Значит – успели, встретились
Томные две красавицы–

СОЛЬ с итальянкой СИ.
Важно басы баварские
Пеной морской ответили
И замолчали…
Мучайся, большего не проси!
Руки!
На пальцах музыка
Спряталась и
Не дышит.
ОН сохранит сокровище
Властью дарованной свыше!

22.04.2013 г.

Чужая игра

Тебе чужая,
Ты всегда чужой.
Зачем опять пью чай пустой на кухне?
Рассказывает чайник заварной
Историю кухарки и стряпухи.
Тончайшими блинами кружева
Плела тебе, мой господин, покорно.
Во всех невзгодах, милый, – не права,
А, что не так – я сделаю повторно!
…Твою игру
играя, приняла.
Но, милый,
я тебя переиграла!
Актриса гениальная
устала.
И свой костюм
статистке отдала.

05.03.2013 г.

Чудеса и могущество вечной любви

Кто сказал, что разбитую чашку не склеить?
Ты всё клеил – стаканы и вазы мои!
Убеждал, что обязаны искренне верить
В чудеса и могущество вечной любви.
Ослепительным блеском сиял самовар из латуни
Но на скатерти кипельно-белой – пятно.
Наш волшебный роман начинался в зелёном июле,
Развалился на части, когда старый парк замело.
По весенней капели ты снова явился с букетом.
Растопили камин и смешной патефон завели.
И я снова поверила в вечнозелёное лето
В чудеса и могущество вечно прекрасной любви.

03.04.2013 г.

Подарок луны

Вечер душный с дождём несмелым
То заплачет, то замолчит.
Что– то правильно значит делаем,
Если ровно свеча горит.
На берёзе ветви качаются.
Или это качаемся мы?
Звёзды первые зажигаются,
Ожидая приход луны.
Дождь закончился, тучи съехали.
Тут она и открылась вся,
Полным диском явилась нехотя,
Откровение принеся.
Загадали мы ей желания,
Пригляделись, а на луне
Появились в ответ два голубя –
Два подарка – тебе и мне

Тюмень. 22.06.2013 г.

Шум за моим окном

Шум за моим окном –
Город спать не ложится.
Этой ночью томиться
Мне завещано Днём.
Он меня наводнил
Суматохами планов,
Озадачил и канул,
Обо мне позабыл.
Сортировка по полкам,
По ящикам мыслей –
Скучный путь и неблизкий,
Только, что в этом толку?
Новый день – новый хаос,
И опять сортировки,
Перед сном остановки –
Что судьбою досталось.
Старомодной бумаге
Бесталанные вирши
Оставляю и вижу
Солнца алые флаги.
Путь поэта тернист –
Вслед за солнцем и ввысь.

Тюмень. 01.07.2013 г.

Ирина ВОРОНЦОВА

Что за сила такая – любовь?

Что за штука такая – любовь,
что за тайна сокрыта внутри?
В ней энергия власти огня,
в ней энергия силы воды.

Не пойму, что такое любовь,
то сжигает, то греет, морозит.
Почему на колени пред ней
становлюсь, а она превозносит?

Что за сила такая – любовь,
за собой в Небеса увлекает?
Что за власть ей от Бога дана,
убивая, опять возрождает?

18:39(лив)12.05.2011

Говорят, сегодня День 8–го марта

Говорят, сегодня «День 8–го марта»
Все мужчины на ногах давно,
Начали забег по кухне с небольшого старта,
Фартук завязали, словно кимоно…

Кофе женщинам в постель приносят,
Улыбаясь нежно, и целуют в щёчки…
Делают всё то, что их попросят,
Даже свяжут мягкие носочки…

Удивительный сегодня день – восьмое марта:
Всё для жён, для девушек и мам…
Но, как в спорте, по этапу – завтра,
Эстафетный фартук передастся нам…

12:12(лив)7.03.2011

***

О, как же сложно выбирать
Из жизни прожитые годы,
Чтоб критик захотел читать –
Души полёт, а не пустые оды…

17:37(лив)7.03.13

***

Разбежалась ночь и прыгнула в постель,
налету гася свечу дыханием,
Дверь закрыл на ключ старик метрдотель,
чтоб шалунья не сбежала на свидание.

23:23(лив)2.05.12

Трельяж (басня)

Ежедневно, как только король
Любоваться шёл к трельяжу,
Створки спорили между собой:
«Королю спину – ты, я лицо покажу».

«Но вчера ты его обесчестила, верно?
Под глазами морщины ему показала».
«Ну, а ты..? Короля сединою его
И ужасною плешью вчера напугала».

Тут центральное зеркало спор прекратило:
«Хватит вам… Вы – не главные здесь.
Короля я в себе отражу, как он хочет…
Ведь не зря обнажён предо мною он весь.

15:26(лив)11.01.13

Душа на хирурга похожа

Душа на хирурга похожа,
Прощупает, тронет, сожмёт…
Иголкою тонкою в вену
Снотворное тихо введёт…

А после кромсает и режет,
Зажимом сосуд пережмёт…
И руку по локоть опустит
В разрезанный ею живот…

Справа найдёт под грудиной
Кровавое сердце моё,
Скальпелем тонким и длинным
Безжалостно тронет его…

И кровь из артерии брызнет
Алой струёй…, не сдержать…
Успею ли я, при жизни,
Душе: «Не кромсай!», –
прокричать…

***

Великая власть
Выносила вердикт,
Вселенная выла
Волками…
Вампиром вонзилась
Во внутренность века…
Вилами в Вечность
Вошла…
Вопили великие
Вселенские воины:
– Видишь?
– Всё вижу – война!!!

20.04.2010(лив) 23:59

***

Пока подсчёт песчинок просто парадокс,
Пришла пора поступков правильных принятия.
Поскольку память памятует прошлое,
Письмо почтовое – проигранная партия.
Поэтому, пора прощаться почтальонам,
Писать последние послания пером.
Подать по паре порций папильонам…
Пусть письма по приказу принесут потом.

11:39(лив)8.11.12

Сергей ДЮКАЛОВ

СТАЛИНГРАД

Я разрывался на бегу
На гордом волжском берегу –
Где небо, словно решето,
Где все, чем жил, совсем не то.

Не дай вам Бог попасть туда,
Где кровью пенится вода.
Где воздух стонами звенит
И пепелищами горчит.

Ножом, зубами рвал врага.
Моя дорога – правота.
Его дорога – пустота
До деревянного креста.

Весь этот ад был не со мной –
Я с той поры совсем другой.
Друзей не бросил на войне –
Они, как боль, всегда во мне.

Пусть тот пикирующий вой
Подернут времени травой –
Когда увидеть их хочу,
Я помолюсь и помолчу.

* * *

Я кляну ту войну –
Не бывало обидней.
Пол-России в плену.
Пол-России погибло.

Кем бы стал наш народ –
Только Богу известно.
Сколько сломано дров
И оборвано песен!

За невольное зло
Нас никто не осудит –
Заплатили давно
Миллионами судеб.

Это не с чем сравнить,
Это нечем оспорить.
Знает только гранит
Цену пролитой крови.

Облицую из плит
Я экватор в азарте,
Чтобы память Земли
Сохранилась на карте.

На крутом берегу
Двадцать первого века
Как могу, берегу
Я военное эхо.

СНЕГ ПАМЯТИ

Посвящается маме

Седина твоя, седина –
Моей памяти белый снег.
Ты одна у меня, одна,
Как свечи несказанный свет.

Холода кругом, холода –
Стынет льдинкой моя печаль.
Твои руки, как два крыла,
Открывают мне детства даль.

Вижу вновь тебя молодой,
Словно яблонь крутой прибой.
Отшумел тот прибой давно,
Но ты рядом – и мне светло.

Обними меня, обними
Ты волною тепла опять.
Позови меня, позови
Седину твою целовать.

Тишина кругом, тишина –
Только падает белый снег.
Ты одна у меня, одна,
Как свечи незабвенный свет.

* * *

Я, словно дерево, расту
И разговариваю с Богом.
Я к небу голову тяну,
На землю твердо ставлю ноги.

Я небу отдан всей душой,
Земле родной я отдан телом.
И право жизни неземной
Земным доказываю делом.

И сколько б ни летал в мечтах,
Одно я вечно буду помнить –
Моя вершина в небесах,
Но без земли погибнут корни.

* * *

Часы песочные с тобой –
мы это знаем.
Друг в друга не спеша
перетекаем.
Любовь у нас с тобой –
каскад песчинок.
И нет для торможения причины.

Завидна эта милая беспечность –
Обречены объятьями
на Вечность.
Когда мы воспарим
над небесами –
Сердца останутся
песочными часами.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

В Татьянин день поет метель,
Качая нежно колыбель.
В ней спит прилежная Луна –
Снега листала до утра.
И не беда, что на дворе
Резвится вьюгою зима.
Январь – олень тебе привез
В Татьянин день карету звезд.
И не беда, что Дед Мороз
За ушко дергает шутя.
Терпи, дружок, так повелось –
Зовут Татьяною тебя.
Порою врут календари
В раздолье стынущей зари.
Пусть в дом стучатся снегири,
А не забавные скворцы.
Пускай метель, пускай снега –
Для нас с тобой цветет весна,
Кружатся лепестки – слова,
Звонят сердец колокола.
Я сдвину шапку набекрень,
Ладонь подставлю под капель
И подарю тебе апрель
В Татьянин день – счастливый день.
Пускай снега, пускай метель
Полей разгладила постель –
Для нас с тобой поет апрель
В Татьянин день, в Татьянин день.

* * *

Пальцы ветра на кнопочках –
листьях
Все играют, тоску наводя.
Как в тумане, ты кажешься
близкой,
Но никак не дойти до тебя.

Жаль, не слышишь
ты осени песню –
Легкий шелест березовых снов,
Недоверия вдруг занавеской
От моих занавесилась слов.

Ждать тебя никогда не устану,
Пусть тоской рвутся
простыни – дни.
Как бы нам ни мешали туманы –
Не спеши на чужие огни.

Лидия ЖЕБУТИНСКАЯ

* * *

А тишина, как заточенье,
Ловить заветный миг звонка,
Лишь птичий посвист – развлеченье,
Упруга времени рука…
Заверещал слегка будильник,
Задребезжал, пронзив висок.
И наступило пробужденье,
И солнце выдало Восток.
И снова тишина настала,
Накрыв владения свои.
Она одна всё в мире знала
И согревала нас двоих.

* * *

Моя слеза,
Как слабый ручеёк,
Она едва ль сейчас
Подточит камень,
Кто близок так,
И кто, увы, далёк,
Тот более всего
Способен ранить.

Невольны мы
Ни в мыслях, ни в судьбе.
Откуда что
Приходит и уходит?
Нас кто–то
Прочно держит на руке,
А солнце всё восходит
И восходит…

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕГЕНДЕ

Как будто разрывается на части
Душа, душа, душа, душа, душа…
И находясь в неведомой мне власти,
Раскалывается не спеша.

Мгновения счастливые не вечны,
И взволновавший голос вдалеке.
А жизнь полна всегда противоречий,
Как и изгибы линий на руке.

В воспоминаньях нету места для разлуки,
Гранитный и точёный пьедестал.
Железный столб вдруг обхватили руки,
Он словно выше и стройнее стал.

Причудливые сказы мирозданья,
В них есть мечты, фантазии полёт,
Имеющий иные притязанья,
Миф под другими звёздами живёт.

* * *

Эта встреча была внезапной,
Неожиданной и простой.
Карих глаз ароматные пятна
Вдруг нарушили чей–то покой…

Он читал вдохновенно и сильно,
Так военная тема близка.
Тёмный тон контрастировал стильно
С белой проседью у виска.

Он – легенда родного экрана,
Театральный советский актёр.
Но так нежно: «папа и мама»
Произнёс, словно руки простёр.

И с концерта легко и свободно
Шёл небрежной походкой своей.
Брать автограф по–прежнему модно,
Как всегда и у всех королей.

Сергей КАМЫШНИКОВ

* * *

Где храм молился над рекой
Давно бугор, как холм могильный.
Здесь постарался кто–то сильный
Своей мозолистой рукой.

Но храм невидимый стоит
И просит милости у Неба.
Для всех, для нас, ума и хлеба.
Крестом серебрянным блестит...

Дойду ли я до алтаря,
За отчий край перекреститься?
Село, понятно, не столица,
Но нам бы местного царя...

И он когда–нибудь придёт,
Построит храм, добру научит,
Ленивым рукава засучит,
И тем в историю войдёт.

***

Снова топчется дождь под окном,
И бормочет он и вздыхает,
Будто вместе со мной вспоминает
О далёком–далёком былом.

Утекло уже много воды.
Кто же в юность вернуться сможет?
Лишь оставлены в сердце следы
Каблучками её босоножек.

ДИАЛОГ

– Прохожий, купите цветы,
Жене подарите иль дочке.
Купите букет теплоты,
Смотрите какие цветочки!

– Спасибо, цветов мне не надо.
Простите, уж сделайте милость:
В блокадные дни Ленинграда
Дочурка моя не родилась.

Жену неземной красоты
Мне никогда не забыть.
Я Ваши купил бы цветы,
Но некому их подарить.

ВЕТЕР

Забрался ветер в парк пустой,
Проехал в карусели.
И пошуршал сухой листвой
И покачал качели.

Прошёл аллейкой без забот,
Развеял листьев горку.
И сторожу в щербатый рот
С ладони сдул махорку.

Швырнул пучком листвы в меня –
Не обделил вниманьем.
И лишь у вечного огня
Он затаил дыханье.

***

Тихий летний прибой.
Соль морская во рту.
Я прописан судьбой
В иностранном порту.

Я в разладе с семьёй.
Я в разладе с судьбой.
Кружат грустные мысли
Над моей головой.

Вид мой очень печальный,
Усталый и кислый.
И не радуют больше
Меня кипарисы.

Порт. Полуденный зной.
Незнакомые лица.
И парит над волной
Одинокая птица.

ВАЛЬС

Было только мгновенье,
Только капля любви.
Было только волненье
И броженье крови.

Её белое платье
По паркету плескалось.
В скромных вальса объятьях
Моё сердце осталось.

Было только мгновенье.
Сладострастные вежды.
Было только волненье,
И ни капли надежды.

В РЕСТОРАНЕ

Просто нет настроенья.
Просто скатерть измята.
И в клубничном варенье
Тонут искры заката.

Просто день истомился.
И на сердце тревожно.
Просто кто–то влюбился
Невзначай, безнадёжно.

Просто песня площадна.
Только музыка свята.
А душа беспощадно
На бездушьи распята.

***

Туча на небе повисла.
Календарь меняет числа.
Дни текут дождём за днями,
Это бездна между нами.

Это пропасть, это бездна.
Эта песня бесполезна.
Ещё долго будут числа
Облетать листвой без смысла.

А потом откроет вьюга,
Как нам трудно друг без друга.
Мы ещё не понимаем,
Что пол жизни потеряем.

Дождь шумит всё глуше, глуше.
Потерялись наши души.
На дороге между нами
Всхлипнет ночь под сапогами...

В БОЛЬНИЦЕ

Я в больнице лежу. Успокоены мысли.
Колбы капельниц вновь надо мною повисли.

Под подушкою Фрейд с утончённым желаньем.
Как не кстати попалось мне это изданье!

Так уж лучше газету читать и не морщиться.
Да вот моет окно молодая уборщица.

Эх, скорей бы домой, да одеться приличнее,
Надоели мне шлёпанцы эти больничные.

Постучатся бы в дверь непростительной ранью,
Да прижаться к любимой всей джинсовой тканью.

Анатолий КИСЕЛЁВ

* * *

У храма ограды
Стоят и сидят
В убогих нарядах
Просителей ряд:
Калеки, старушки,
Бомжи, старики,
Бродяги, пьянчужки
И лжедураки.
Поклоны бьют, просят:
«Подай! Помоги!!
Во имя Иисуса,
Во имя любви».
От паствы им в кружки
Монеты летят
Таких же старушек –
Блаженных трудяг.
И те, и другие
Взывают «Спаси!»
Одни в крепкой вере,
Другие – во лжи.
Одни в храме божьем
У лика святых,
Другие безбожно
Лукавят под них.
От сердца, по вере
Всем нищим дают,
А те до потери
Сознания пьют.

* * *

Задержись у осеннего леса,
От забот и проблем отвлекись,
Скинь с души деловую завесу,
В буйство красок лесных окунись.

Грудь наполни сентябрьской прохладой,
В мир природы уйди с головой,
Шаг замедли – спешить здесь не надо,
И дыханье своё успокой.

Приглядись и впитай прелесть цвета,
Чары осени в душу впусти,
Ощути силу бабьего лета –
Взрыв земной и небесной любви.

Посмотри, как от лёгкого ветра,
Плавно падают листья с берёз,
Их полёт, словно танец в балете,
Полный пластики, грации, грёз.

Задержись, приглядись, успокойся,
Бабье лето – вершина чудес,
Долгожданная осени гостья,
Колдовская поэзии смесь.

* * *

Праздников у нас – не перечесть,
Для застолий сходу есть причины:
Повод главный – радостная весть,
С горя можно тоже – и в дымину.

Проводы потянут на банкет,
Встретились друзья – фуршет за встречу,
Чтобы вещь служила много лет,
Тосты за обмывку на весь вечер.

Веский аргумент : «Снять надо стресс!»
Непременно выпить после бани,
И налить, чтобы пришёл успех,
Дело не идёт, так по стакану.

На рыбалке – за большой улов
Или просто редкую удачу,
А зимой принять на льду без слов
Для сугрева – здесь нельзя иначе.

Выпить на охоте – за трофей,
Морякам в трактире – за семь футов,
За аншлаг российский пьёт Орфей,
Пьют фанаты за победы клубов.

По причинам, датам и без них
Пьют в России издавна безбожно…
Что имел в виду мой стих?
Лишь вопрос: за что пить невозможно?

* * *

Жизнь прекрасна, ловите мгновенья,
В круговерти упущенных дней,
В годы юности, пика веселья,
В окружении верных друзей.

В долгожданных свиданьях, в разлуках,
В письмах полных, как музыка, слов,
В сладострастных терзаньях и муках,
Когда властвует в сердце любовь.

Жизнь прекрасна, под сладкое «Горько!»,
Слаще сладкого в брачную ночь,
Осмыслённей с рожденьем ребёнка,
И не важно, кто – сын или дочь.

Жизнь прекрасна с зарёй на рассвете,
На закате с последним лучом,
Когда ниже стола ваши дети,
Когда вы им уже по плечо.

Когда полнится жизнь звонкой трелью,
Когда бьёт животворным ключом,
Когда грянут седые метели,
Жизнь прекрасна, и всё нипочём.

Когда будут под ноль силы в теле,
Когда кровь свой замедлит бег,
Жизнь прекрасна, скажу, в самом деле,
Даже если мгновенье – мой век.

Владислав КОРНИЛОВ

Жизнь

Жизнь снимает с меня оболочки дней,
Как с матрёшки...
Становлюсь я всё меньше и холодней...
Неотложки
Пролетают, сиренами дико трубя,
Пока мимо!!!
Но старается жизнь день ото дня
Неутомимо...

Масленица

Весна ворвалась ветреной девчонкой,
Замкнулся вечный Мирозданья круг.
Висят сосульки с крыш забавной чёлкой,
Капели звоном оглашая всё вокруг.

Плывёт по небу диск, на блин похожий,
И зайчик солнечный крадётся по стене.
Ему, как другу, улыбается прохожий,
Под гомон птиц в бездонной вышине!..

Зима безропотно сдала свои позиции
И отступила – ей не привыкать,
И на костре Весенней инквизиции
Сожгли соломенное чучело опять…

Лампочка

Висела лампочка стоваттная в прихожей.
На грушу спелую она была похожа,
И день за днём отважно билась с тьмою,
И освещала всю прихожую собою.

Никто её совсем не замечал,
Но, лишь стемнеет, всяк её включал –
Вот так и жили года три-четыре
Хозяева и лампочка в квартире.

Но день пришёл… Под вечер было дело…
И вспыхнув ярко, лампочка сгорела.
Беспомощно на проводе повисла,
И жизнь её в момент лишилась смысла.

Пришлось её наутро заменить,
И в этом, в общем, некого винить.
Ей не помочь и не восстановить
Её души вольфрамовую нить.

Когда б накал уменьшила на треть,
Могла б ещё немного погореть.
Но лампочка ещё с рожденья знала –
ПОЗОР! Когда ты тлеешь в полнакала!

Мораль сего пространного писания:
«Гори, как лампочка, до самого списания!»

Специальная теория относительности

Стремительно растут «чужие» дети:
Вчера родился – завтра в сад пошёл,
А послезавтра написал в анкете:
Учился в школе… в Армию ушёл…
Вернулся! Поступил!.. Потом работа…
Женился! Сын и дочка – семь и три!..
Потом абзаца три ещё про что-то…
…Да у него уж внуки – посмотри!..

«Свои» гораздо медленней взрослеют –
Воспоминанья в памяти свежи:
Частенько в детстве чем-нибудь болеют,
Чего, отнюдь, не скажешь про «чужих»…
Годами ходят в садик, после в школу,
Уходят в Армию на целые века!
Сухарики жуют под «Кока-колу»
И «SMS»-ки шлют издалека…

Возможно ли такое, в самом деле,
Чтобы часы по разному текли?!
А может быть, «чужие» чаще ели,
И потому «свои» угнаться не могли?!
Кто развенчает мифы эти странные?..
Загадку разгадал старик Эйнштейн!
И написал свои теории пространные,
Осмыслив парадокс «чужих» детей!

Ё-моЁ – любимоЁ!!!

Буква «Ё» самая энергетически «заряженная» буква русского алфавита, она «работает» как оберег, её «потеря» приведет к общему понижению энергетики языка, а это не так безобидно, как может показаться на первый взгляд, и может привести к непредсказуемым последствиям...

Не забывайте ставить точки в букве «Ё»,
Всего две точки изменяют смысл слова,
Не слушайте расхожее враньЁ –
Мол, не нужны они – твердят с экрана снова.

А в чЁм проблема – ну никак я не пойму,
Поставить точки–то – чернил не много надо!
Зачем так хочется, и главное кому,
Убрать их, как излишество с фасада?!

А Вы представьте – что без точек началось –
К примеру «нЁбо» трансформируется в «нЕбо»,
А слово «Ёмкость» – в предложение «Ем кость» –
Без точек «Ё» – что бутерброд без хлеба!

Представить страшно даже, если уберЁм
Две эти точки из простого, вроде, слова,
Оно читается сейчас – «передохнЁм»,
А будет – «передОхнем»... Разве «клЁво»?!

Вдруг «Ёлка» станет «Елкой» в Новый год,
И всех нас съест – укрыться не удастся!
Без точек ждут нас тысячи невзгод!..
За «реформаторство» «по полной» нам воздастся!..

Не отдадим ни буквы, ни значка!
И так урезан алфавит наш за века!
Да не поднимется, на этот раз, рука!
Без точек «Ё» – как «Ю» без кругляшка!!!

Давайте ставить точки в букве «Ё»,
Ведь это же не трудно Ё-моЁ!!!

Знаки препинания

«Казнить нельзя помиловать!»

Как записать свои эмоции на лист?
Поверьте мне, сие довольно сложно!
Какой бы ни был ты «большой» специалист,
Одними буквами такое не возможно!!!

Как передать неописуемый восторг,
Или вопрос литературного героя?
Под силу (даже не уместен торг)
Лишь знакам препинания такое!

«Кавычки» Точка. Многоточие... Дефис -
Знак восклицательный! Тире – и Запятая,
Знак вопросительный? Над строчкою завис
Апостроф (Скобки) и Черта/косая

Плюс Двоеточие: да Точка с запятой;
Всего тринадцать – их легко запомнить!
Зависит жизнь от каждой запятой,
Об этом непременно надо помнить!

И слышится уже в который раз:
«Решить задачку, ну-ка, поспешите!»
«Казнить нельзя помиловать!» Сейчас
Поставить запятую, где хотите?!

Егор КОСИН

Вдохновение…

Такое вдохновение
Нахлынет вдруг порой!
Всплывают откровения
Из юности рябой.

Эмоции взрываются
И всё внутри поёт.
Вдруг крылья появляются,
И хочется в полёт.

Вне всякого сомнения,
Когда душой парю,
Земное притяжение
Равняется нулю.

Лечу над облаками я,
Луч солнышка…
Но вот, –
Пришла друзей компания
И подстрелила
влёт!!!

Жизнь течёт…

Налита жизнь
в большой сосуд.
Откуда, не снимая проб,
То через трубочку сосут,
То жадно пьют
её взахлёб.

Кто аккуратен –
растянуть
Удачно сможет сущий век.
А вдруг
коротким будет путь,
Иль слишком быстрым
жизни бег.

Проблема гложет мудрый люд:
Как же продлить
расхода срок?
Ведь коль закупоришь сосуд,
То потеряешь
свой исток.

Так пусть не мучает вопрос
Как содержимое сберечь.
Пей эту жизнь –
живи взасос,
Тем устранив
сосуда течь.

Венец

Венчание, венчание, –
То жизни окончание, –
Разгульной лёгкой жизни холостой.
Быть может по незнанию,
Быть может, с осознанием,
Но не теряет веру мир людской.

Он верит в счастье вешнее,
Реку любви безбрежную,
И от того, хоть в омут головой.
Но в омуте, конечно же,
Судьба не безмятежная,–
Утоп в заботах сладостный покой.

Пока мы не покойные,
Мы вечно беспокойные.
Но вслух вдруг произносим, как истец,
Мышления крамольные,
Что смуты многослойные
Принёс нам тот прельстительный венец.

* * *

Вот и сошлись два одиночества…
Быть может только им захочется
Всего лишь вместе приголубиться,
А может снова вдруг полюбится.

Или достаточно общения –
Отдельных судеб обсуждения…
Но всё же как меж ними ни было б,
Сокроет жизнь их были-небыли.

* * *

С блеском листа оцинкованной жести
Не шелохнётся озёрная гладь.
Ни ветерка – всё застыло на месте,
Только слыхать тишины благодать.

Но умиляться волшебной картиной
Долго, увы, не всегда суждено.
Ведь по приметам: затишья причиной
Быть проявление бури должно.

* * *

Покуда слово «Юбилей»
Звучит как трели саксофона…
Но мысль уже урчит скорей,
В конце торжественных затей,
Мычаньем старого тромбона.

Прожил всего полсотни лет
Легко, как сбегал в магазин…
А если вдуматься в сюжет:
Полсотни вёсен пылких нет
И пережил
полсотни зим…

Марина КОСПОЛОВА

ЯЗЫК ПТИЦ (ДЕТЯМ)

ПЕРЕВОДЧИК

Мой сосед удивляет меня постоянно.
Может быть, он кому-то покажется странным:
Переводит с кошачьего на человечий
Потрясенные речи – правдивые речи!
И еще есть один переводчик нестрогий:
Переводит с собачьего резкие слоги.
Мы читаем подстрочник – и диву даемся:
Вот так так! Ну и ну! –
или просто смеемся.
А над будкой собачьей – ужасно лиричный –
Переводчик с кошачьего – прямо на птичий!
А вообще–то ему
нет ни сна, ни покоя:
То собранье у птиц, то кошачьи разбои.
…Помечтать бы хотелось – он это так любит –
Но идут на работу то кошки, то люди.
Полистать бы записки; тишиной насладиться;
Но – упреки от близких: ну, ты – важная птица!
Он не сердится; вниз только листья роняет…
Ведь поэтами все, даже птицы бывают.

….11.2010.

* * *

Заглянула мне птица с березы
Тяжело ли мне чистою быть
Посылала зима мне морозы
Чтобы жаркое пламя любить
Открывала мне двери удача
Чтобы щедрость изведала я
И кристаллы чистейшего плача
Рассыпались от этого дня

Теплый вечер как стрелочник точный
Повернул мои стопы к друзьям
Чтоб сверкающей этою ночью
Луч звезды напроведался к нам.

ПОПУТЧИК

Я в ладонях держу Твои звезды
И сияющим ликам молюсь
И я верую, что не поздно
Сохранить уходящую Русь…
…Держит слезы в ладонях попутчик –
Жемчуг слез, серебро;
Полегчало ли, стало ли лучше?
Прекратило ль давить под ребро?
Сверху взгляд изумленного неба
Жив ли, цел –
Рассказал бы, покаялся мне бы –
Что еще не успел…
Что ж теперь? Перламутровый глянец
В полдень пыльных дорог.
Если вечный ты чужестранец –
Не казнись, что продрог…
Будешь долго–предолго молиться
В храме пустом,
Раз так редко спускаются птицы
В ненамоленный дом…
Если дом твой повсюду, дорога –
Дом, реченный тебе…;
Только ветер, да хлеба немного;
Да молчанья обет.

БАЛЛАДА ВЕРОНЫ

Ромео

Веронский трон; Меркуццьо вольность;
Бравады дерзкой на пиру
Исход кровавый – и покорность
Судьбы разящему перу…
Что предрешило эту встречу –
Ни в час, ни в день не обойти…
Ты думала, я не замечу
Тень ангела в своем пути;
Ты думала, танцуя танец,
Что вечеринка в первый раз;
А я, таясь, как чужестранец
Отвесть не мог от этих глаз
Свои глаза, не грех ли это –
Как живописец от портрета,
Что вдруг на диво удался…
Я за тобой не погнался
Лишь чудом, к чуду уповая;
А ты в свету – заря живая –
От робости я был упрям;
И светских правил бренный хлам
Вдруг отступил пред этим светом.
Все так. Иду я за советом
К духовнику, к отцу…
Пусть он ли, эхо ль нам ответит –
Молчанье снова нам к лицу…
Молчанье снова… спит Верона;
Изящно-мощных стен зубцы;
Слуг строй, зеленщики, купцы;
Знамений зов и рок заклятий…
И нам нет места для объятий;
Нет места нашим детским снам:
Война родов, в которой снова
Нет места нам….
Но мы готовы
Скрываться, биться за любовь
Все начиная вновь и вновь…

Свет солнца в роще. Спит Верона.
Никто не сочинял законы
Любви.
Всегда вольна любовь.
Сильнее силы водопада
И с кручи рвущихся лавин.
И ты ушла. И я один.
И больше ничего не надо
– я без тебя не проживу.
Что плоть, что кровь – я сердце рву,
Веронский полдень.
След кровавый. Пощечины ожег.
Прости. Я без тебя не мог.
Нам выпала такая слава –
Лишь пригубив любви напиток –
Уйти, не согласясь на путь,
Который состоит из пыток.
Уйти, чтоб больше не свернуть.

Джульетта

Я видела твои глаза,
Когда сказали мне «нельзя».
Когда меня приговорили
К постылому венцу.
Я гордо вздорила, отцу
Не подчинясь впервые…
Какую долю нам кроили,
Что саван – юному лицу…
То ревность нас одолевала
И ставила рубцы;
То месть людская разделяла
С приправой клеветы…
Но не могли мы разминуться
Над вечностью паря…
И пусть мне суждено очнуться
У алтаря;
Из этих пыток – меньшей пыткой
Был возглас боли от ножа…

О как же эта ночь свежа!
Как надо было торопиться,
чтобы опередил наш яд
Примет и суеверий ряд…
Пусть утро всех садов Вероны
Зажжет звезду сердец влюбленных…»

Стихи опубликованы в авторской редакции с сохранением стилистики и знаков препинания.

Станислав ЛОМАКИН

НЕМОЙ

В неизменном – всё изменное,
В бесконечном – всё конечное,
Только мысль, как птица пленная

Никто не помнит, как он появился, что заставило его приехать в наше село. Казалось, что он был всегда, особенно для нас, ребятишек послевоенного времени. Его называли Васей и добавляли – Немой. Ходил Вася неспешно, был приветлив со всеми и особенно с ребятишками и подростками. При встрече Вася первый протягивал свою большую мозолистую руку, и наши детские ручонки, когда он пожимал их, утопали в тёплой ладони, похожей на купол, образующийся из выступающих суставов натруженных пальцев рук. Чем занимался Вася? Где он жил? Никто точно не знал. Слухи ходили разные: говорили, что ловил рыбу и продавал, жил у речки в выкопанной землянке, к зиме перебирался к доброй женщине, живущей в избе на окраине села.

Вася умел многое: подшивал валенки, мог срубить баню, починить часы, электропроводку, застеклить окна.

Вася был невысокого роста, коренастый, широкоплечий, ему было немного за сорок. Одет был просто: летом – в рубахе-косоворотке, выпущенной поверх брюк, брюки он заправлял в сапоги. Лицо выразительное, подвижное, с многочисленными морщинками на высоком лбу, аккуратно подстриженные, немного поседевшие волосы, карие, глубоко посаженные глаза смотрели на все внимательно и заинтересованно.

У Немого не было семьи, детей, к нам, подросткам, он относился по-отечески. В карманах брюк Вася носил кульки с простыми конфетами-подушечками и раздавал всем детям, попадавшимся на его пути. Когда он жестикулировал руками, рассказывая о пойманной щуке, карасе, окуне на удочку, жерлицу, перемёт, указывая на их размеры, то от волнения иногда всхрапывал, словно пытался что-то убедительно сказать, иногда крестился, чтобы не сомневались. Любимое занятие Васи было сидеть с удочкой на речке, в укромном месте, вдали от суетного мира. Это давало возможность ему утешиться, а сознательный схорон, ослаблял его сердечный напряг, так как Васе постоянно нужно было доказывать, что глухонемой такой же человек, как и все, живущие на Земле.

Внутренняя природа Немого, взращенная в постоянном одиночестве, под сенью таинственного облачения, была для нас непостижима. Жизнь Васи была окружена пеленой, она одевала его разнообразными, неведомыми покровами, укрывала от нас какой-то невещественной тканью, куда открытый доступ невозможен.

С возрастом, размышляя о том времени, общении с глухонемым, прихожу к мысли о том, что отличало Васю от нас, слышащих и говорящих. Прежде всего – сдержанность Немого. Она оберегала его душу от ненужной накипи, которая в виде информации, через слово не всегда была полезной. Он же через внешние впечатления отбирал лишь элементарную, необходимую часть информации, но даже эта часть дозировалась в его разуме и чувствах, прививая душе мудрость, приучая волю повиноваться лишь тому, что подобно ей, духовно по своей природе. Он, в отличие от нас, сдерживал свои чувства, но и они не всегда были в безмятежности. Вспоминаются разные случаи.

В середине 60-х годов прошлого века в наше село приехал талантливый музыкант, в прошлом военный, участник войны. Он организовал из учащихся 5-6х классов духовой оркестр. Тогда подобные оркестры были почти в каждом селе. Сегодня, наверное, они наличествуют не в каждом областном городе. Через год мы уже играли на танцах, участвовали в концертах, приглашали нас и на свадьбы, иногда мы сопровождали скорбную процессию на кладбище, играя похоронный марш Шопена. Все это мы делали бескорыстно. Немой почти всегда наравне с нами присутствовал на всех мероприятиях.

Вася, когда мы играли танцевальную музыку, садился рядом с оркестром и наблюдал за танцующими. Во время концерта, когда мы играли полонез М.Огинского «Прощание с родиной», Немой плакал. Как он чувствовал музыку, будучи глухонемым, для нас было загадкой, видимо, ритмы ударных басовых инструментов ощущались им через тело, как ощущает прикосновение пальцев слепоглухой посредством тактильного языка.

Однажды во время танцев произошло следующее: школьница восьмого класса, стараясь выглядеть старше своих подростковых лет, приделала к своему платью вырезанную из старой фуфайки подкладку, увеличивающую нижнюю заднюю часть тела. Можно себе представить девичью радость, когда она крутилась перед маленьким зеркальцем, любуясь собой. Она смотрелась в зеркальце, поворачиваясь во все стороны, думая поразить своим видом мальчишек школы. И как же мало нужно девчонке для счастья. Танцевали фокстрот, девчонка млела от удовольствия, и в это время подкладка выпала из-под платья. Присутствующие в танцевальном

зале зашлись от смеха (не все, конечно, некоторым было жалко школьницу), а Вася Немой подобрал подкладку, валявшуюся посреди зала, и вышел с ней на улицу к рыдающей девчонке... Немой любил присутствовать во время репетиций духового оркестра, когда мы разучивали произведение какого-либо композитора.

После репетиций мы играли на других инструментах, часть ребят освоили игру на баяне, аккордеоне, фортепьяно, гитаре. И ещё одна страсть владела нами – бильярд. Дирекция клуба позволила нам такую возможность, поскольку мы никогда не отказывались играть на танцах и концертах. Более того, она без билетов пропускала нас смотреть кинофильмы с противоположной стороны экрана, так как мест в зале не было. В бильярд мы настолько поднаторели, что могли обыграть хорошо игравшего взрослого, не дав ему и одного раза ударить кием по шару, забивали сразу восемь шаров. Немой только хлопал в ладоши или потирал их, восхищаясь нашей игрой. Он ходил вокруг стола, щурился, приседал, высматривал расположение шаров, оценивал позицию, а иногда глазами или рукой показывал бить прямые или свояка в лузу.

Как-то Вася увидел в центре села подростка, срывающего объявления со столбов. Он поднял скомканную бумагу и понял все. В объявлении речь шла о размене квартиры, разводе и подросток, таким образом, пытался сохранить маму и папу, семью.

Вася был сентиментальным человеком и не мог удержаться от слез. Проходящие мимо люди с любопытством и состраданием смотрели на плачущих мальчика и пожилого человека, в облике которого чувствовалось смиренное понимание и мудрость.

Шли годы, мы взрослели, учились в институтах, встречались с Немым редко, в основном во время студенческих каникул. Вася постарел, совсем стал седым, сгорбленным, а его лицо превратилось в сплошные глубокие морщины, похожие на барханы в пустыне. Он по-прежнему рассказывал о пойманных щуках и карасях, показывая руками их величину, и всхрапывал.

Финал Немого таков: весной, в период половодья, он спас двух тонущих подростков, которые на самодельном плоту решили поплавать по реке. Вася простудился, и его старый, изношенный организм не справился с воспалением легких... Хоронили Немого под звуки траурного марша Шопена.

Духовой оркестр, состоящий из школьников второго поколения, созывал людей со всех улиц села скорбной музыкой для прощания с благородным человеком.

ЛУЗЕР

... Меня печалит вид твой грустный,
Какой бедою ты тесним
И человек сказал: «Я русский»
И Бог заплакал вместе с ним.

Н. Зиновьев.

До прихода электрички оставалось около тридцати минут. Солнце медленно опускалось к верхним этажам высотных домов. Вечерело. Желтизна увядающей еще теплой осенней природы, и затуманенная с облачной дымкой редкая голубая прорезь неба, настраивали на раздумья о том, что на небесах всё – радость, как бы ни заслоняли их тучи, а на земле – много горя, страданий, трагедий. Небо было цветом грязной холстины: опять собирался дождь. Рядом с вокзалом с правой стороны от железнодорожных путей виднелся небольшой, хорошо ухоженный, садик. В нем редкие сосны впивались обнаженными корнями в землю, а на самой вершине, одной из них сидела ворона и лениво с большими паузами каркала, словно обвиняла в непристойности и бесстыдстве целующихся молодых людей, плотно прижавшихся к сосне и друг другу. Из-за угла железнодорожного вокзала показался мужчина, он направился прямо ко мне, сел рядом на деревянную скамью, и без всякого предисловия, – произнес : « Я лузер». Мужчине было около 50 лет, он был одет небрежно; брюки спускались на грязные поношенные кеды, большой не по возрасту серый пиджак болтался на его исхудавшем костистом теле. Руки его напоминали крупные ветви, они постоянно вздрагивали и как-то неестественно двигались. В углах выразительного рта пролегли горькие складки, являющиеся показателем утраты человеком интереса к жизни, а выражение багрово-красного лица говорило о перенесенных только что неприятностях, возможно связанных с оскорблениями и горестями от сознания того, что он их не заслуживал. Среди множества выражений, передающих душевное состояние человека – являются его руки. Они по-прежнему продолжали дергаться и как будто жили своей жизнью, и не имели никакого отношения к его телу. Мужчина явно хотел что-то сказать, но не знал с чего начать. Ему, похоже, хотелось выговориться перед незнакомым человеком. Я уже представил, что он начнет говорить о неудавшейся жизни, о том, что он безработный, как и многие сегодня, о постоянных претензиях жены, о детях, которых нечем кормить и одевать, о постоянном росте цен на продукты, о квартплате и так далее. Почти каждую поездку на электричке становишься невольным слушателем

горестей, обид, негодований людей на чиновников, которых с каждым годом становится всё больше и больше, и, соответственно, число бедных людей становиться также больше. Кто-то не помню, сказал: Бывают времена, когда правительство теряет доверие народа, но я не знаю времени, когда оно могло бы доверять ему. Мужчина так и не мог начать свой монолог. Я попытался помочь ему, – сказав, что знаю значение слова Лузер. Он резко вскинул голову и начал говорить: понимаете, сказал он, сколько я себя помню, мне не везёт ни в чем .... В это время из-за угла показалась девочка лет семи, она подошла к нам, молча, взяла мужчину за левую руку и сказала: «Папа, пойдем домой, мама велела». Мужчина нехотя поднялся, извинился за несостоявшийся диалог, и произнес: «Человек рождается свободным, а между тем он всегда в оковах» – процитировал незнакомец Ж.Ж. Руссо – материалиста просветителя XVII Франции, и пошел ведомый дочкой, подтягивая штаны и шмыгая носом. Господи, сколько миллионов людей на Руси жаждущих счастья, но считающих себя лузерами, по вине общества, как пусто их человеческое сердце и сколько доброго, прекрасного, не реализованного в этой пустоте. Все мы сотворены для того, чтобы думать, чувствовать, созидать и жить пристойно на время, соразмерное нашему мимолетному и бренному пребыванию на земле.

Прощеная Пальма

Ребенок проснулся, кроватка слегка зашаталась, лежащий в ней семимесячный Антон стал нервозно шевелиться. Он явно чувствовал какое-то неудобство и начал хныкать, стараясь при влечь к себе внимание. Но в доме никого не было, кроме собаки Пальмы. Восьмилетняя сестренка Настя играла на улице с подростками, а мать Любовь Александровна пошла за продуктами в магазин, пока спит сын, наказав дочери время от времени проведывать Антона. Девочка заигралась и забыла о наказе матери. Пальма лежала у самой входной двери, положив морду на порог и хныканье ребенка стало тревожить ее. Она прошла во вторую комнату, где стояла кроватка Антона и стала наблюдать за ребенком.

Пальма пушистая, но не лохматая, плотно сбитая, среднего роста, черно-белого окраса сибирская лайка. Прямые уши, поднятые кверху, всегда настороже. Хвост посажен высоко, свернутый колечком, глубоко посаженные умные черные глаза, с ласковым и преданным, но печальным выражением, смотрели внимательно и настороженно. Нрав у Пальмы независимый, свободолюбивый, справедливый. Пальму, как провинившуюся,

не пускают на улицу в течении недели. Несколько дней назад хозяин, Юрий Прокопьевич, не взял Пальму на охоту. Она наблюдала как хозяин собирался: вытаскивал болотные сапоги, проверял патроны, чистил ствол своего ружья и Пальма радостно повизгивая крутилась около Юрия Прокопьевича, возможно представляла как они пойдут к озеру, речке. Хозяин не взял на охоту Пальму, т.к. жена с ребятишками уехала на несколько дней погостить к родителям в соседнее село, и он оставлял ее за сторожа и хозяйку дома.

Пальма была оскорблена таким отношением к ней хозяина, которого она любила больше чем других домочадцев. Собаки не могут любить в полчувства, в полсердца. Она, после ухода Юрия Прокопьевича, выла, скребла лапами дверь и когтями изорвала всю обшивку. Свою обиду она выместила на кожаном пальто хозяина, сорвала его с вешалки и изорвала его в клочья. Когда вернулся хозяин с охоты, Пальма пулей выскочила из квартиры и не появлялась три дня.

И вот сейчас она в затворе, чувствует холодное отношение к себе всей семьи, но виноватой себя не считает, сохраняя свое достоинство и независимость. Антон от хныканья перешел в плач, рёв. Пальма подошла к кроватке, встала на задние лапы и слегка, чтобы не перевернуть толкнула ее. Она закачалась, но Антон не унимался и, казалось, зашелся в плаче надолго. Пальма подтянула за ножку зубами табуретку к кроватке Антона и запрыгнула на нее. Сначала Пальма беззлобно поворчала, но не лаяла, боясь, видимо, напугать ребенка, а затем, наклонившись к Антону начала лизать, мокрое от слез, лицо малыша. Любовь Александровна вернувшись из магазина, застала такую картину: Антон уже не плакал, а улыбался, что-то агукал, ручонками отталкивая морду Пальмы, а она в ответ ласково ворчала, слизывая остатки слез с лица младенца.

Пальма была прощена, пальто новое хозяину было куплено, дверь была утеплена, стабильность и спокойствие на какое-то время вновь воцарились в семье.

Стабильность в отношениях с людьми, братьями нашими меньшими, зиждется на любви и на прощении, ибо не будь поверженных, не было бы и вознесенных ...

Вета МООР

ТРИДЦАТЬ

Твой солнечный январский день
Цветами радуги расцвечен.
И лишь твоей улыбки тень,
Где мир не ясен, мир не вечен,
Тревожит изредка меня,
Что по ночам порой не спится:
Синица прыгает, дразня,
В руках горит перо Жар-птицы.
И мне так важен твой совет,
Твои земные ориентиры.
Он проливает жизни свет
На все вопросы и пунктиры…

2012

* * *

А все, что осталось нам, жить и любить.
Любить без оглядки, без срывов, без пыла.
И так, словно нам предназначено жить,
И вечно, и радостно – без перерыва.
Пройдется по нервам хрустальный смычок,
Следа не оставит, до блеска отточит.
Безмозглый калека – запечный сверчок
Мне, как Буратино, беду напророчит.
Отыщется ключик, что счастье дает,
И только любовь не подаришь в коробке.
И что-то, и кто-то, куда-то зовет,
И голос из Космоса тихий и робкий…
И все же мы будем так жить и любить,
Что светлая память сердца растревожит,
А дети и внуки не смогут забыть,
И новое счастье наш путь подытожит.

2011

СКРИПКА

Скрипка,
Скрипка Страдивари!
Ты полна небесной страсти.
Божьей милостью карали,
Посылали все напасти
На безумца Страдивари.
Но звезда его сияла –
Гениальность. Не пропали
Голоса волшебных скрипок…
И любовь она познала.
И любовь его хранила,
90 лет отмерив.
И творили руки чудо,
Ум и сердце воспевая.
Путь из терний и страданий,
Что назвать, возможно, счастьем
И полетом в бесконечность.
И все это только Вечность.

2005

* * *

Жеманное лето раскрыло объятия. Тепло
Всем тем, кто родился, июлем отмечен случайно.
Рождение на свет - величайшая, умная тайна.
В июльское знойное время - погоже, светло.
Любовь - это нежность, безумство. Секрет
Сокрыт в поцелуях, в сплетенье безудержных рук.
Рыдает июль от печальных, бездумных разлук.
Гроза, разразившись, несет долгожданный ответ.
Сердца переполнены. Чувства всевластны. Даны
Всем тем, кто почувствовал горечь, заботу, тревогу.
И я собираюсь в июле привычно в дорогу:
Так надо. Все страннейшим образом предрешено.
Остались полет, пустота, невесомость. И что?
Что мне загадать, преступая рубеж мирозданья?

Я - хрупкое, нежное, глупое, божье созданье,
Я - сердце, песчинка, мираж. Я - ничто.
И солнце смешливо струится. Вне времени. Бег.
Торопимся жить и любить, умирать. Не случайно.
Любой человек - неопознанный мир - это тайна.
Затем и родился, затем и живет человек.

1997

* * *

И все же, не смотря на передряги,
На неустройство, на издержки мук,
Я радуюсь причудливой коряге:
Сплетенью наших губ и наших рук.
Разлука как судьба, как неизбежность,
Разлука как «Китайская стена»,
И в этом что-то есть. Живет надежда,
Что я тебе по-прежнему нужна.

1995

* * *

По разные стороны бытия:
И я, и любовь неземная моя.
По разные стороны баррикад
Враги в барабаны стучат.
По разные стороны жизни кольца
Два Бога - невидимых миру лица.
В кольце - наша жизнь
И наша Земля.
И Бог - это ты,
И Бог - это я.
А там, в зазеркалье,
За темным кольцом
Бог вечности -
С бледным, неясным лицом.

1994

* * *

Люди столько всего напридумали:
Суетятся, влюбляются, лгут.
Мир под дулом, под вечными пулями.
Развенчав, в порошок все сотрут.
Изменяют своим идеалам:
Все воюют и «горькую» пьют.
Постоянство у всех в самом малом:
Все когда-то и где-то умрут.
Все умрут. Даже, кто на чужбине
Примеряет счастливый венец.
Было так, так и будет отныне -
Всему в мире приходит конец.
Ну, а что же от нас остается?
Отчего же так хочется жить?
Это просто любовью зовется.
Тот, кто любит, того не убить.
Кто из жизни с любовью уходит,
Попадает в иные миры.
По Вселенной счастливые бродят,
По ночам, разжигая костры.
Слышу нежные, грустные песни -
Это дед мой тихонько поет.
Сон мой «в руку» - удачи предвестник.
Это значит, что мне повезет.
Это значит, что ты улыбнешься
Безоружной улыбкой своей.
И с «небес» своих снова вернешься
На просторы любовных полей.
И дыханье в одно превратится,
Я умру от объятий твоих,
Перестанет в груди сердце биться:
Это значит, что нет нас в живых.

1992

Ольга ОЖГИБЕСОВА

Замок из песка

Давай построим замок из песка,
Уж если больше не из чего строить…
И ты мне скажешь, что давно искал
Такое счастье. Именно такое!
Уйдем из скучных городских квартир…
Пусть говорят, что выбор так беспечен!
Уж слишком хрупок наш песочный мир.
Уж слишком он – увы! – не долговечен.
На самом деле – лишь вопрос цены…
За всем своя последует расплата.
И что дороже? – ночь под шум волны
Иль целый век в постылых казематах …
Давай построим замок из песка!
Не опасаясь смерчей и цунами.
Там чайки в небо падают со скал,
Над морем крылья распластав, как знамя.
Давай поверим оба – я и ты,
Что жизнь другого не подарит шанса –
Услышать, как дельфины и киты,
Влюбленные, для звезд поют романсы…
Но ты лишь пальцем крутишь у виска:
Мол, все мои капризы так знакомы!
Давай построим замок из песка,
Хотя бы и в песочнице у дома…

* * *

Уехать бы – на день или на час…
Купить билет и – до свиданья, люди!
Туда, где ветер перекрестки студит,
И где никто не ожидает нас.

Туда, где в трубах теплятся дымы,
И в сером небе путь петляет Млечный,
И по ночам промокшие скворечни
Уже грустят в предчувствии зимы.

Уехать… Городскую маету
Сменить на домик возле тихой речки,
А вечерами, сидя на крылечке,
Читать стихи соседскому коту.

Да, он ленив и с виду – что-то хмур.
Да, и, конечно, в рифмах он – не дока.
Но как заглянет в душу желтооко,
Как заведет заветное «мур-мур»…

И я тогда уже не захочу
Вернуться в скучный нелюбимый город…
Купите мне билет на поезд скорый –
Я за свободу дорого плачу.

Без названия

Остатки прежней красоты
Метут по тротуарам дворники.
За ними сонные коты
Следят лениво с подоконников.
Они метут без лишних слов,
Старательно и добросовестно
листву, а с ней обрывки снов –
Желанья тайные и помыслы.
Что сон? Виденье, призрак, прах...
Под крики воронья печальные
В унылых городских дворах
Костры пылают погребальные...
И, корчась в смертном кураже,
Сгорает в вихре ало-парусном
Все, что не сбудется уже, –
Бесповоротно и безжалостно.
На дворников обиды нет.
Что им несбывшиеся чаянья?
Чужих надежд погасший свет,
Глухие пропасти отчаянья...
У дворников простой расчет –
Лишь чистота всего дороже им....
А мимо жизнь идет, идет,
Как равнодушные прохожие.

Ночь

Машет крыльями флюгер-петух
На заснеженной крыше,
И поземка танцует
У кромки дороги вальсок.
Может, ангелы,
Может быть, просто летучие мыши,
Пролетая, по небу рассыпали
звездный песок.
Тянет горьким дымком –
В огородах субботние баньки
Отпыхтели, роняя на снег
Золотую пыльцу.
Спит кобель в конуре,
И усталые детские санки,
Задремали, прижавшись бочком
К ледяному крыльцу.
Гаснут окна – одно за другим,
День прошедший итожа.
Ночь над миром раскинула
Свой невесомый покров.
Убаюкана вьюгами,
Спит на заснеженном ложе,
Синеокая Русь под негромкие песни ветров.

Юрий ПАПИН

Слово

Нашел его, единственное слово,
как в дом родной вошло оно в строфу,
и только им, радеть и петь готовым,
я этот стих и книгу назову.

Не знаю, как кому, а мне награда,
найти его в бездонных словарях.
И я кричу, что сложилась рулада
и новый день окрасила заря.

Удача? Да! Но правильнее – чудо!
И как о нем другим не рассказать!
Тяжелый труд – искать слова повсюду,
но как найдешь, то хочется кричать.

И пусть мой крик рождает кривотолки,
я и сейчас что силы есть кричу,
все потому, что всякий раз подолгу,
задумавшись над фразою, молчу.

Остывший чай

Ну, зачем я тебе никчемный,
ну, зачем я тебе – скажи?!
Не найти тебе свет в потемках,
понапрасну себя не жги.

Ну, зачем тебе знать о ранах
заплутавшей в ночи души?!
Поднимаюсь, как прежде, рано,
ты же утром так долго спишь.

Мне будить тебя нет резона,
лезть в чужие дела не люблю.
Ты ложишься спать слишком поздно,
когда я уже крепко сплю.

Понапрасну меня не трогай,
сам я как–нибудь невзначай
мало ли, под каким предлогом,
загляну на остывший чай.

Вот это зрелище

Сполохи черного, сполохи красного –
гамма тревожная, гамма опасная…
Небо над лесом костром загорается,
ветром костер все сильней раздувается.

Вот это зрелище, вот это силища!
Всем бы пройти через это чистилище,
чтобы огонь в своих жилах почувствовать
и получить его силу в напутствие.

Дни и года можно тратить по–всякому:
даже горение неодинаково,
что до гниения, где б оно ни было,
света в окошке нисколько не прибыло.

То, что сгорит, как в народе подмечено,
то не сгниет никому незамеченным.
Сполохи в небе стираются маревом,
но никогда не погаснет их зарево.

Ветер

Зачем нам эта встреча через годы,
зачем мне так настойчиво просить
хотя бы час у ветреной погоды,
чтобы забыть ненастье и простить.

Но и без слов, по–моему, все ясно,
и ветер, как и прежде, будет дуть.
А сердце верит – встреча не напрасна,
и, может, все сойдется как–нибудь.

Но как–нибудь не только не желаю,
но и себе представить не могу –
не то, что дни, уже года считаю
на беспросветно смуром берегу.

Мир без тебя мне – голая пустыня,
я в мире – долгий и призывный крик,
лишь ты – моя навеки половина.
А ветер что? Пусть дует! Я привык.

Федор СЕЛИВАНОВ

Любовная символика

I

С первого радостного дня занятий в школе Паша поразился тому, что Вера Дементьевна непроизвольно моргала правым глазом не в согласии с левым, и чаще, чем левым. Лицо учительницы молодое, но почему-то виднелась прядь седых волос.

Паша спросил у мамы Алины, что означает подергивание правого глаза у Веры Дементьевны.

– А то и означает, что у нее нервный тик – болезнь такая.

Мальчик и мама шли по центральной улице в Тюмени из школы, в которой мама работала завучем, а Паша учился. Вот тогда-то и состоялся этот разговор.

Повстречался им мужчина средних лет, одетый нарядно, во все белое, как на курорте где-нибудь в Ялте. Он подмигнул маме, остановился и стал длинно объяснять, что ищет «Нефтехимбанк».

Мама Алина слушала улыбающегося мужчину с серьезным видом. У нее была очаровательная привычка слушать, склонив голову набок. Ее длинные темно-русые волосы ниспадали на правое плечо. Она коротко объяснила, как найти банк, взяла Пашу за руку и решительно направилась домой.

– Мама, у дяди тоже нервный тик?

– Почему ты спрашиваешь?

– А у него глаз дернулся.

– Нет, он подмигнул нам, желая познакомиться.

Проходили мимо торговых лотков. На одном – разнообразные игрушки. Паша загляделся на них и споткнулся о выступающую из-под лотка деревяшку. Мальчик бы упал, но его подхватил незнакомый старичок с добрым лицом:

– Не робей, дружок! Держись крепче на ногах, – сказал он и подмигнул.

Паша спросил маму Алину:

– Мужчины договорились подмигивать нам сегодня, что ли?

Алина Сергеевна рассмеялась.

– Нет, не договорились. Так уж вышло, совпало. Обычно люди редко подмигивают друг другу.

– А зачем они подмигивают?

– Когда хотят что-то сказать, придают подмигиванию определенный смысл. Бывает, подмигивают, скосив глаза в сторону кого-либо, приглашая посмеяться над ним, как бы говоря: поглядите, поглядите, какой глупец!

II

Паше исполнилось двенадцать лет. Папа Степан Федорович и мама пригласили взрослых и детей на день рождения. Мальчик рос наблюдательным и заметил, как по-разному мужчины здоровались с папой за руку.

Служащий банка, директором которого был Степан Федорович, схватил его руку, как, по известному сравнению, подарок судьбы и долго ее жал. Давнишний друг Степана Федоровича пожал руку энергично, встряхнул ее и опустил. Третий, незнакомый Паше гость, молодой мужчина, пожал руку нехотя и вяло, очень вяло.

Взрослые и дети дарили Паше цветы, книги. Мамина подруга тетя Ната подарила трехтомник. Она читала вслух оттуда стихи, произнося их нараспев, полуприкрыв глаза. Когда она отошла от Паши, мама Алина шепнула ему:

– Она поэтесса. В книге есть и ее стихи. Последнее из прочитанных – ее.

«Хотела тетя Ната показать, что она поэт или это вышло само собой?» – подумал мальчик. Он решил, что намерения что-либо показать не было, как и у мужчин, здоровавшихся со Степаном Федоровичем.

Гости разошлись. По телевидению шел «Клуб путешественников». Ведущий передачи Г.А. Сенкевич рассказывал, что альпинист, попав в горах в беду, при появлении вертолета спасательной службы поднимает обе руки, показывая, что нуждается в помощи.

– Папа, но руки поднимают, когда сдаются в плен, – сказал Паша.

– Да, руки поднимают и альпинист, и солдат, но в разных условиях: один в горах, другой – на поле боя. Знак-то вроде один, да смысл его разный. Вот тебе задание. Найди, что означают такие движения: машут рукой, уезжая на чем-либо, поднимают руку при встрече, двигают рукой на себя, замахиваются, стукают кулаком по столу, показывают кулак, отдают честь.

Паша без труда разгадал смысл этих знаков.

III

Паше восемнадцать лет, он студент института искусств и культуры. На лекциях на него посматривала Даша из соседней группы. У нее такие же длинные темно-русые волосы, как у мамы Алины. Девушка приехала из Викулово, и поначалу Паша думал, когда девушка смотрела на него, что она обозналась и принимает его за кого-то другого, потом решил, что

у него с прической неладно и начал приглаживать свои густые, черные волосы. В конце концов ему пришла в голову мысль, что он понравился этой милой, чистой и умной девушке. Решив выяснить, как относится к нему Даша, Павел в перерыве подошел к ней и спросил:

– Чего это ты беспрестанно глядишь на меня?

Даша залилась краской и стала кусать губы. На вопрос не ответила. Что бы это значило? Паша отошел от нравящейся ему девушки не солоно хлебавши. Как-то неладно получилось. Вечером, открыв том Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами…», наткнулся на строки:

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

IV

Паша заболел: простудился и слег. Под вечер его проведать пришла Даша, принесла яблоки и книгу И.А. Бунина «Темные аллеи». Парень лежал растроганный от знаков внимания. Знаки внимания…

На днях на лекции по социологии преподаватель рассказал им о символическом интеракционизме – теории американцев Джорджа Мида и Герберта Блумера, которые утверждали, что поступки людей могут стать символами, олицетворением чего-то другого, иметь смысл, не совпадающий с самим действием.

Даша сходила в областную научную библиотеку, взяла учебник Нейла Смелзера «Социология» и прочитала раздел о символическом интеракционизме. И теперь пересказывала, что вычитала.

– Выходит, есть символы высокомерия, заботы, даже верности…

– Да, конечно, – согласилась Даша. – Как шрамы на лице воина.

– Затасканное сравнение. Литературщина, – отреагировал больной.

– Верно. Как же я сама этого не заметила? Общение с тобой много дает.

Павел внимательно посмотрел на Дашу. Что значат ее слова: простая любезность или нечто большее?

– Даша, ты хотела показать свое внимание с помощью вот этих знаков? – Павел взглянул на яблоки и книгу.

– Да, мне хотелось, чтобы ты узнал, как хорошо я к тебе отношусь. Подарки ведь всегда символы.

Зазвенел телефон. Паша попросил Дашу подойти к нему. Оказалось, звонила Алина Сергеевна. Она сначала подумала, что неправильно

набрала номер, ибо женского голоса не ожидала, начала извиняться, но Даша объяснила ситуацию, и они сердечно поговорили.

– Ну вот, познакомилась с матерью.

– Я рад этому. А теперь скажи, почему ты носишь кольцо на правой руке. Ведь это символ замужества, а ты не замужем. Ты вводишь других людей в заблуждение, обманываешь с помощью символа. Зачем ты это делаешь?

– Чтобы не приставали на улице и в автобусе. Я стала носить кольцо, когда мы с тобой подружились. У меня есть подруга Инна, так она носит кольцо в память об умершем недавно отце.

– Получается, что кольцо – не символ замужества, а знак благорасположения к другому или память о другом. Как интересно! Какие только приключения не бывают в мире символов!

– Будем учиться разгадывать символы, – продолжила разговор Даша. – Вот некоторые мужчины отращивают бороды. Почему? Что они хотят сказать своими бородами?

– Одни хотят выглядеть солиднее, чем другие, чтобы их считали мудрыми, – борода издавна была символом опыта и мудрости. Другие уверены, что борода их красит.

– Вероятно, ты не все случаи перечислил. Например, я встречала мужчин, которые просто ленились бриться.

– Я давно заметил, что иногда символы используются преднамеренно, если желают что-то показать, а иногда знаки свидетельствуют о том, что хотели бы скрыть, по крайней мере, не собирались что-то показывать.

– Конечно, тайное становится явным через символы, – рассуждала Даша. – Скажем, низменные побуждения обычно отрицаются, но знаки говорят о них. Как и о глупости.

Молодые люди услышали, как кто-то вошел в квартиру.

– Папа, это ты? Зайди к нам.

Паша наблюдал, как отец и девушка знакомились, разговаривали об институте, болезни Паши. Заметил по символам, что они произвели друг на друга самое благоприятное впечатление.

Отец ушел. Паша сел на кровати. Потом внезапно, под влиянием непреодолимого порыва прижал к себе Дашу и поцеловал в полные, мягкие губы, не думая, символом чего является поцелуй.

Дарья СЕЛИВАНОВА

Таежный поселок

Федор Андреевич Селиванов сидит за обеденным столом, покрытым скатертью и пишет. Дома он носит рубашки светлых тонов, прост в быту, двери его всегда открыты для добрых людей. Иной раз, диктуя свой адрес, прибавит: «Квартира восемь, милости просим!»

По скатерти разложены стопки бумаг, встречаются открытые книги, прочитанные письма, еще нетронутые газеты – привычка с юности, чтобы все было под рукой.

Родной для многих профиль из четко очерченных линий, мягкие коротко подстриженные волосы пепельного цвета, высокий лоб, внимательные глаза, на лице очки для чтения в светлой пластмассовой оправе. Он умеет растолковать трудное с удивительной легкостью, писать от руки почти без последующих исправлений и быть искренне благодарным людям.

«Вчера получил ваше письмо и снимки братской могилы, в которой покоится прах солдата Селиванова Андрея Иосифовича. Трудно выразить словами то, что чувствует сын при виде могилы отца». – Позже прочтут в Польском Белостокском воеводском правлении Союза борцов за свободу и демократию. – «Долгие годы я искал ее. И нашел только благодаря вашей помощи, вашему участию, благодаря тому, что вы и передача «Говорит Варшава» откликнулись на мою просьбу».

На несколько секунд взгляд поднимается на закрытые желтые шторы, скрепленные посередине обычной прищепкой, и снова ложится на лист бумаги. Он взволнован, что невозможно скрыть от наблюдательных глаз, – на лице мелькнет выражение некоторой беспомощности, слегка изменится дыхание.

«Печальной была вот такая встреча с отцом, но она состоялась. Состоялась благодаря снимкам кладбища и могилы.

Низко кланяюсь всем, кто делал снимки, кто проявил внимание к моей просьбе. И цветы живые у надгробья, и тишина на кладбище, и забота о месте захоронения воинов – все трогает до слез.

Благодарю вас за все, спасибо вам, добрые люди».

Подпись – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Тюменского Индустриального института, 9 февраля 1986 г.

Июнь 1941 года застал Федю в деревне Мотыгино на реке Ангара, где расположился пионерский лагерь. Над могучей рекой и солнце казалось наделенным особой силой, и полет белопоясных стрижей с белой дугой на хвосте не суетливым, а грациозным танцем, и далекие острова реки – неведомыми странами.

Пионерское лето было веселым: когда весь лагерь отправлялся купаться или в столовую, то Федя горнил, дальний родственник и друг Костя гордо бил в барабан, ребята задорно пели, путая такт, дружно смеялись. Мальчишки любили рыбачить, убегать стайками в горы и по-детски устраивать некие словесные турниры, когда каждый пытался рассуждать о своем отце как о самом лучшем на свете.

Обрушилось страшное известие о войне. В центре Мотыгино быстро соорудили возвышение. На него поднимались хмурые мужчины из местного начальства и призывали сплотиться и разбить врага. Ребят из пионерского лагеря досрочно вывезли домой, в Раздолинск.

В поселке городского типа жило более десяти тысяч человек. Всех объединял сурьмянный комбинат, значение которого в годы войны возросло, ибо в то время не было ни пули, ни снаряда без добавки этого химического элемента. Он придавал прочность, улучшал литейные качества свинца.

Красноярский край на все время войны остался глубоким тылом, где не слышали пугающих звуков истребителей, воя танков, не шли в атаку и только разумом понимали во что способны превратить дома и людей снаряды и пули с добавлением той же самой сурьмы.

Баржа с новобранцами уплывала по Ангаре на войну. После прощания с отчаянным плачем, с заверениями о скором возвращении и даже попытками хвастовства: «Вот увидите: я приеду на Гитлере верхом!» наступили долгие годы не просто тишины, а оглушенности. Пришло время суровое, немногословное, время похоронок и горя.

Отец Феди работал бригадиром плотников, отличался мягким характером, никто его не видел в злобе, пел красивым голосом. И вот он тоже уплывает по Ангаре на войну, откуда уже не вернется никогда. До сих пор в памяти хранится последняя минута расставания: и без того высокий, придерживаясь одной рукой за стойку, он привстал на цыпочки, пытаясь разглядеть в толпе жену и сына.

Позже Федор Селиванов назовет свое поколение «поколением сутулых», так как много довелось потаскать на себе тяжестей: носили муку в пекарню, возили воду для скота и полива грядок, спускались в забой и на отвале отыскивали камни с сурьмой. Тыл и фронт были едины. Люди жили одной верой – верой в победу.

Река кормила поселок рыбой, лес – ягодой, крапивой, черемшой, саранками и кедровыми орехами.

Ягоду сушили, так как сахара не было, а крапиву закладывали в бочки и зимой в больнице и столовой варили супы с крапивой, благодаря чему в Раздолинске за всю войну не было случая заболевания цингой. Черемшу – лесной лук – ели с картошкой или солили в кадушках, у саранок в пищу шли сочные корни. Все знали частушку:

Пойдемте, девчонки, саранки копать,
У моего миленка портянки видать.

За кедровыми орехами ходили охотно. Кедрачи находились в тридцати километрах от поселка. Уходили группами, ночевали в лесу, у костра шелушили шишки.

В морозный день 1943 года в поселке поймали уже второго дезертира, поместили под конвоем в пожарную часть, раздели до нижнего белья, на ноги обули что-то вроде тапочек. Ночью задержанный попросился в уборную во дворе, перелез через забор, добежал до своего дома и повесился на чердаке… Нервная система не вынесла испытаний войны, отравилась самой ее сущностью.

В группе друзей лидировал Гриша Шатров. Однажды в раннем детстве он вышел во двор. Там щипала траву лошадь. Он подошел к ней, не зная народной мудрости: «Бойся козла спереди, а лошадь сзади». Она лягнула его, перебила нос. Левую ногу парализовало, правая действовала, но была тоньше обычной. Ходил он на костылях. Старательный, аккуратный, любознательный, лучший ученик в школе, был на два года старше Феди.

Однажды Федя увидел, что на полянке Гриша загорает, а на широкой груди лежат вырезанные из бумаги буквы: «Света».

Незадолго до этого они читали вслух книгу Р. И. Фраермана «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви». Там паренек, полюбивший героиню, также запечатлел ее имя: белые буквы на коричневой от загара груди. К Свете Весновской Гриша был явно неравнодушен. Это была большеглазая, русая, мягкая девушка, прочувственно читала стихи и рассказ Лидина о Зое Космодемьянской.

Запомнилось, как по дороге идут двое: изможденный отец, вернувшийся в ранах с войны, опираясь на палку, и его шестилетняя дочь Тома, черненькая, тоненькая с рюкзачком за плечами. Они были неразлучны. По-видимому, он из последних сил старался двигаться, старался обмануть смерть. Они ходили в подсобное хозяйство, где их снабжали продуктами. Шли медленно, часто останавливались. Он садился на землю,

прислонялся спиной к забору, отдыхал. Девочка снимала свой рюкзачок, что-то старательно искала в нем, протягивала отцу, приносила в кружке воду, смотрела на него во все глаза, ловила каждый жест.

Однажды они не появились – отец умер, а девочка затерялась среди других детей поселка, наверное, как всегда старательная, серьезная и обязательно любящая.

Федя знал наизусть письма отца с фронта, проговаривал их про себя, представлял себе отцовское выражение лица, когда он выводил карандашом те или иные строки: «Любимый сыночек, слушайся мамочку. А то она у нас и так избилась... А ежели крайняя нужда будет, то на работу устраивайся в какую-нибудь мастерскую. А ежели большой нужды не будет, то до меня учись, а когда я приду, тогда видно будет». «Здравствуйте, моя любимая семья, Варя и сынок Федя. Я ваше письмо получил, в котором фотокарточка, за которое вас сердечно благодарю. Я как с вами повидался и поговорил. Положил карточку к сердцу и каждый день раз десять смотрю на вас...».

Заместитель командира по политической части майор Семенов писал его матери: «Командование части ставит вас в известность, что ваш муж, красноармеец Селиванов Андрей Иосифович, за образцовое выполнение боевого задания и проявленные при этом доблесть и мужество награжден правительственной наградой – медалью «За отвагу».

Пришло извещение, что отец был ранен и умер от ран 4 августа 1944 года. Буквы «Е», «Щ» и «Е» в слове «извещение», отпечатанные на пишущей машинке, сбились друг к другу и образовали слово «еще» и это выделившееся слово пульсировало в голове: «еще будут письма, еще не конец, еще увидимся... Не может быть, что отец мертв!»

После «Извещения» Федор с матерью получили письмо, в конверте – фотокарточка, которую они посылали на фронт. На обороте написано: «Это фото – свидетель долгих и упорных боев за нашу советскую Родину. Пусть это будет правдой, что вы вместе с вашим мужем побывали на фронте и вернулись домой. За кровь и гибель вашего мужа мы дали клятву отомстить. Граница Восточной Пруссии. Командир части старший лейтенант Макаров. Офицеры: Чугунов, Соколовский, Белкин».

Ночью Федор налил в блюдце растительного масла, положил тряпичный фитиль, зажег его и по-новому посмотрел на вернувшийся с фронта снимок, словно глазами своего отца. Фотограф использовал занавеску в качестве фона. То ли не было полотна достаточной ширины, то ли нарочно запечатлелся фрагмент быта – слева виден бок кровати, перина, справа – стул, на спинку которого что-то наброшено.

«Отец с нами виделся, каждый раз мысленно домой возвращался, в родной наш Раздолинск. У нас и кровать, и перина похожая, такой же пол, да и дом наш от дома фотографа близко, и вода из речки Рыбной каждый год заливает наши огороды». – Подумал он, вытирая слезы.

Вечером 10 мая 1945 года четыре парня в перешитых отцовских пиджаках и три девушки в шалях пришли в школу репетировать комедию И.Крылова «Пирог». События пьесы в тот день казались такими несущественными и далекими по сравнению с их собственными переживаниями. Казалось, одно неловкое слово и все заплачут. Долгожданная победа над фашисткой Германией свершилась, но ликовать пока не было сил – сначала надо было превозмочь собственное горе – у каждого из них погибли отцы.

… Закончилась лекция в Тюменском государственном институте искусств и культуры. Федор Андреевич Селиванов – известный лектор, любимый студентами. Во всех социологических опросах он занимает ведущее место. Он не только доктор философских наук, профессор, но и заслуженный деятель науки, председатель Тюменского отделения философского общества, известный писатель. Его хорошо поставленный голос слышен далеко за пределами кафедры:

– Многие пытались повлиять на мою судьбу, изменить ее. Однажды мать говорит мне:

«Бросай учебу, на сурьмяный комбинат набирают учеников, чтобы получить профессию». Я отказался, ответил, что хочу учиться. В 47 году мы с товарищами поехали поступать в Томский университет, трое суток пробыли на вокзале в Красноярске – послевоенное время, билетов нет. Тогда организовывался Институт инженеров железнодорожного транспорта. Подходили к выпускникам школы прямо на вокзале, агитировали поступать именно к ним, многие согласились и остались в Красноярске, а я поехал дальше. Билет купил благодаря помощи преподавателя этого института.

Я знаю, что его ладонь сверху вниз пересекает глубокая бороздка – так называемая линия судьбы – она у него редкая, прямая. Такие люди делают свою судьбу сами.

Миля ХАРЧЕНКО

СОДРОГНУЛАСЬ ЗЕМЛЯ

Всем, кто выжил в тылу

Светлой памяти бабушки Латифы

Август 1943-го

Вот и осень подкрадывается неслышно.

А дети разуты, босы, как старших в школу отправлять? Утром утаила от сборщиков хоть два яичка, да молока маленько. Дедушка ночью сходил на поле колхозное за колосьями, которые успел закопать от вездесущих контролеров. Детей чем кормить? Хлеба ведь просят, да зима такая долгая. Выживем ли? Успели рыбы насушить, да в землянке закопать, авось не найдут. Там, поди, и на трудодни чего-нибудь выделят. Может, и война кончится, мужики придут до весны. Ой, как тяжко вместо лошадей впрягаться в плуг! А что делать? Без картошки как? В ноги ей, кормилице, поклонимся, как закончится война.

Сотни мыслей проносились в голове солдатки Латифы. Ой, красавица! Лицом бела, станом стройна, а как поступь легка. Ведь молодая еще, двадцать пять. Да некогда ей красоваться. Ей бы хоть всласть выспаться. Успеет, все успеет. Вот война закончится, там жизнь другая начнется. Наконец-то можно будет чуть вздремнуть…

Ой, руки ненаглядного мужа так милы, а мысли красавицы легки! Цвела черемуха, она заливалась беззаботным смехом в ту первую весну…

– Совсем разленилась, просыпайся, – строгий голос деда был неумолим.

– Вставай, а то скоро рассвет, не успеешь ведь.

Наспех волосы закрепив гребнем, она уж на ногах. Еле слышно, чтобы дети не проснулись, встала в дверях. Дед заботливо в карман засунул сушеных карасей.

– Пожуешь хоть по дороге.

Приладив к плечам торбу из бересты, она бегом несется к лесу.

– Спасибо, луна лучезарная, что освещаешь мне дорогу, да звезды еще не такие блеклые.

Не заметила, как пробежала пять километров.

Бригадир Юсуф, вчера многозначительно взглянув, сказал, что сегодня можно к обеду прийти. Значит, все успеет.

Вот и болото, вот и брусника ее заждалась.

– Милые ягодки, я сейчас вот вас соберу, знаете, сколько детям радости подарю? Платье в цветочек выправлю доченьке, а, может, хватит и на обувки?

Проворно и ловко собирали пальчики красные ягодки. В заготконторе примут у дедушки.

Солнце уж встало, пора и домой. С тяжкой ношей идет радостно красавица по тропинке знакомой. Вот и поле показалось… Нет, только не это! Сердце ее остановилось. На опушке,насвистывая, стоят контролеры.

– Ну что ж, оформляй, саботаж. Вместо работы на поле, значит, по болотам бегаешь?

– Я ж детям…

С плеч сдернули торбу, полную ягод. Весело смеясь, достали нож, искромсали бересту, и ягодки посыпались на черную землю. Все до единой. Упала Латифа к ногам палачей:

– Не надо, не надо, то ж платьишко девочке моей, – еле слышно шептала она, пытаясь собрать, что осталось.

– Ах, платье захотела? Ну что ж, получай!- гневно кричали те сытые мужики.

Со злостью растаптывали безжалостные кирзовые сапоги ягоды, с такой любовью собранные для детей. Через несколько минут земля была красна…

Светло-синие облака помрачнели,багровые краски солнца потускнели, холодные капли дождя застучали...

То, содрогнувшись, плакала земля… Слезами горькими полон небосвод...

Одиночества холод

Безумен тот, кто в ночи. Безумен тот, кто может гнать так машину. Надо бы ее пожалеть…. Не молоденькая, поди… Мысли вслух, а что со мною? Да ничего, просто пою…. Почему пою? Не знаю, наверное, потому, что еду домой… Домой? Домой!!!

Вон она граница, там дальше свои родные поля и леса. Та страна, за эти годы, так и осталась чужой. Сытой, довольной, но чужой.

Дорога домой легка и радостна, там и небо голубее, и березы белее. И там она! Она, по ком сердце истосковалось. Та, в чьи глаза так хочется вглядеться и смотреть, и насмотреться. То она ласково улыбнется

и сердце запоет, то взгрустнет и хочется обнять, и согреть, и самые нежные ей слова шептать.

Да, домой, там мама ждет, просто обнимет: «Как ты исхудал, сынок». И выставит все на стол: котлетки, голубцы… А мне хочется, мама, чтобы прижала к сердцу и вновь так прошептала: «Сыночек. Все будет так хорошо, поверь и доверься ты мне». Мама хлопочет. «Мне бы, мама грязь все дорожную смыть…» Мама в ответ: «Вода уж готова. Сыночек, я вот сейчас…»

А там чья-то тень промелькнула. Чья же? Девушка вся невесомая, а та, брата невеста…. Как же она так легка, вся прозрачна, как-то проплыла… И вся в никуда, даже не заметила. Сразу видать, не до меня… Могла бы так, кинуть хотя бы: «Привет»,- в ответ. Ах, вот какая ты, что брата моего сердце украла? И что там в ней? Не заметил. Да ладно, им видней. Мне бы самому разобраться, да бог с ней…. Только хотел помыться, только девушка та, с глазами раскосыми вдруг влетает: «Ах, это ты, прости. Прости, мой любимый приезжает, а мне нужна вода. Ты ведь успеешь, правда, успеешь…» Конечно. Успею. Куда уж спешить….

Так и меня моя могла ведь встречать. Обида кольнула, и боль та проснулась… Но недолго. Нет. Не сегодня, сегодня буду отдыхать, с мамой общаться, братья вот рядом. Порадуюсь за Сашу. Все, все на потом. Успею, успею я все расставить по местам.

А с утра все закрутилось: друзья, девчонки, пиво, вино, вечеринки. Вот свадьба прошла, как в тумане… Отдых по полной… Не до нее. И страшно спросить, лучше так отдыхать.

Мамин взгляд какой-то сегодня не такой: «Сыночек, видели ее, твою. Сказала, если хочешь – сегодня звони, она там свободна». Выдержав паузу, с тоской добавила чуть слышно: «А завтра, ее, как бы жених приезжает».

Хотелось разом и всего: смеяться и плакать, орать и молчать, завыть и заплакать. Но нет, лишь тяжко вздохнув, из дома вышел.

Телефон заиграл, ах вот и спасение: «Привет, малыш, как дела? Как всегда. Свободен? Конечно, малыш». Как хорошо, что имен и знать-то не надо. Ведь умный кто-то придумал эти слова, как малыш, котенок… И опять завертелось. Все как всегда: пиво, вино голову затуманили, сигареты в дым сердечную боль унесли…

Чужие нелюбимые красивые, хоть на часок желанные, тела… Чужие, в пьяном угаре сказанные слова… Чужие неродные запахи… Чужие холодные, хоть порой и страстные, постели… Чужие, не мои… А ты, которую хотелось назвать единственной, ты и близка, но так далека.

И как бы хотелось, чтобы ты прошептала в ночи: «Любимый, подари мне эту ночь, подари. Подари мне без слов. Одари нежностью. Одари любовью…»

Успели

В Тюмени почти сорок лютого мороза. Все застыло, деревья не шелохнутся. Снег скрипит так тягуче.

Лишь падает снег. Легкий такой.

Шесть часов вечера, час пик. Полная народа остановка. Все смотрят на лежащего в снегу человека. Наверное, гадают, замерз уже или нет?

Подходят маршрутки, автобусы.

Люди, ДРОЖАЩИЕ, спешно заскакивают и … уезжают…

Лишь падает снег. Легкий такой.

Вряд ли кто из них вспомнит через несколько минут о нем, лежащем на снегу.

Лишь снежинки пытались согреть почти холодное лицо.

Женщина, старенькая уже, шла не торопясь, почти сгорбившись, под грузом тяжелых сумок. Как же, детям и внукам гостинцев из деревни привезла.

Ее мысли вдруг оборвались при виде человека, почти укрытого снежным одеялом. Бросив сумки, побежала, причитая:

– Люди, скорую вызывайте! Человек ведь замерзает!

Народ молчал и в автобусы спешил…

– Будем из-за какого-то алкаша телефон доставать, руки морозить, – возмущенно молвила дама в шикарной норковой шубе.

– Люди, помогите! Ведь молоденькой такой! Нету телефона у меня!

Лишь падает снег. Легкий такой.

В тонюсенькой шинельке бежал солдатик. Худенький такой. Скоро, очень скоро будет дома. Он забудет страшные месяцы службы в той ненавистной стране. Он не будет вспоминать окровавленных друзей своих. Маму обнимет и…

Война научила все подмечать: женщина, склоненная над кем-то.

– Мать, случилось что?

– Помоги, сыночек, замерзает ведь.

Лишь падает снег. Легкий такой.

Народ заинтересовался, что будет?

Вдвоем занесли в близлежащий ларек. Раскричалась продавщица:

– Что вы шваль тащите? А ну выносите быстро отсюда бомжатину эту, – все кричала молодуха.

Выносите? В его воспаленном мозгу сразу вспомнились те, кого уж вынесли.

Навсегда, в вечную ночь, молодых и красивых, так мечтавших жить и любить.

– Молчать. Срочно скорую, милицию вызвать! Перестреляю всех! – кричал солдат, вытащив из кармана пистолет.

Все замолчали,

все задрожали,

все телефоны достали.

Женщина грела руки, гладила по лицу того замерзающего…

Полиция подъехала быстро, скрутили солдатика шустро.

Лишь падает снег. Легкий такой.

Вот минут через десять и скорая. У парня, студента лет двадцати, был приступ эпилепсии. Еще чуть-чуть, замерз бы.

– Эх, нелюди вы, – молвил тихо бабушка та. Пыталась сумки найти, а их унесли. Добрые, видимо, люди.

А пистолет был сувенирный у солдатика. Выяснив все, седой майор, недавно сам вернувшийся из тех «горячих мест», пожал ему руку и лично до дома довез. И маме поклонился без слов…

Алексей ШЛЯКОВ

* * *

Нотки капали, капали,
Струнки хрюкали, хрюкали.
Руки жирные лапали
Брюки с толстою сукою.

Супик луковый, луковый,
Запах чая лимонного,
Мармелад в виде буковок
Вывел слово позорное.

В стуле кнопочка, кнопочка,
В мыслях девочка, девочка,
В горле стопочка водочки,
Два рубля, три копеечки…

* * *

Милая,
Так одиноко!
Милая,
Ладонью погладило облако,
И оно вдруг уплыло.
И правильно – неповторимые кристаллы
Смертельно-холодные в своей законченности
Молят, чтобы небо плакать перестало,
А то им на землю падать не хочется.

Отблески иногда режут глаз,
Но только молчит провидение.
Будущее пока не для нас.
Для нас молитва. Всенощное бдение.
Пугало нагуглило сотни обугленных
Рукописей, переписей, стихов и романов.
А вот посмотрим: нам будет трудно ли
Из пекла черпать стихи стаканом.

Милая,
Катится время по горочке.
Милая,
На тебе свечку и хлебную корочку.
Корм и Светило.
В сфере стеклянной пусть радуга бегает
Светом играя.
И два ведра прошлогоднего снега
Выменяем на билетик до рая.

Ж.В.

Безлик, не накормлен. Томится, хиреет.
И плачет не слышно. И слезы глотает.
И Дом хлебосолен, и комната греет,
Но все же чего-то ему не хватает.

Остывшего чая с остатками мёда,
Засохшего хлеба с кристаллами соли
И светлой печали о прожитом годе,
И двух сигарет, и отсутствия боли.

Причудливой ночью под дождик осенний.
Привязан к живому и духом, и телом.
Прокрался малыш, и запахло спасеньем,
И жизнь стала новой, а новое белым.

На коврике складка, под нею мышонок.
И хвостик наружу, и лапки на ушки,
А так все в порядке – сухие пеленки,
И пес под столом, и подсохшая лужа.

На сердце рубины, на полке иконы,
Закрытая дверь, позабытая скрипка.
Но дом без балкона стал все-таки полон
Теплей и светлее от детской улыбки.

29 ноября 2011 01ч 17мин.

* * *

Я смотрю, и что я вижу:
Вижу дерево на крыше.
Радует оно глаза.
И растет как – будто дышит,
Суеты мирской не слышит,
А над ним (чуть-чуть повыше)
Расцветают небеса.

И туда по тропке узкой
Одинокий, скорбный, грустный
След ведет в долину грёз.
И проложен он искусно.
Будоражит мои чувства.
Отчего ж, вокруг так пусто?
Видно брёл один, Христос.

25 март 2010

Литературный ДЕБЮТ

Надежда ЗИБОРОВА

Не спится старому солдату

Не спится старому солдату,
И раны, вроде, не болят,
Но память выстроила в ряд их,
Всех тех, живых ещё ребят.

Да! Столько лет! Уносят годы
Последних боевых друзей,
А Он ползёт опять со взводом
Вон к той высотке, что левей.

Что с боем брал её когда-то,
Штурмуя много лет назад.
И на морщины у солдата
Сползла непрошено слеза.

Уже рассвет, а не заснул он –
Себя не может превозмочь,
Как будто годы не минули,
А эта ночь – всё та же ночь…

Потом рассвет кроваво-ломкий
Сквозь дым пробьётся, стихнет бой,
А он контуженный в воронке
Один останется живой.

Не спится старому солдату,
Опять ему покоя нет.
Далёкий год тот, 45-й,
Встаёт за занавесом лет.

Мария МИКЕРИНА (Мария Цыган)

Она и Он...

Он бежал от любви, как от гнусной чумы,
Сторонился убогих и странных.
Он детей избегал; ненавидел цветы,
Статуэтки и запах бананов.
Каждый день подходил он к пустым зеркалам,
Ухмылялся слегка отраженью,
Ждал улыбки в ответ, но в ответ – тишина,
Отпугнувшая радость мгновенья...

А она беззаботно встречала рассвет,
Улыбаясь случайным прохожим.
Обожала друзей и сиреневый цвет,
И кокосовый запах на коже.
Каждый вечер сбегала от пасмурных снов,
Устремляясь к открытому небу,
Но увы – кандалы от привычных оков
Увлекали обратно на землю...

Он боялся женитьбы, церквей и толпы,
Презирал хулиганов со свитой.
Он со всеми всегда обращался на «ты» –
Грубо, дерзко и чуть ядовито.
Но порою, когда бушевала гроза,
Он мечтал о наивном и светлом...
И стекала скупая мужская слеза
По щеке, огрубевшей от ветра.

А она не боялась совсем ничего...
В трудный день улыбалась бессильно.
И в толпушке друзей, где когда–то был он,
Всех упорно она веселила.
Но порою, когда завывала метель,
Умирала в ней вечная леди...
И средь ночи стучали в замерзшую дверь
Оглушенные воем соседи.

Он украдкой любил на нее посмотреть,
Спрятать взгляд, если вдруг обернется.
А она не устала при нем пунцоветь
И ссылаться на жаркое солнце.
Он боялся признаться, что крылья ей шьет
И оковы сбивает упорно.
А она залезает в зеркальный пролет
И улыбку рисует покорно....

Семнадцать лет

Задумчиво и медленно плывет игривый лучик
В прибое городского фонаря.
Дрожа от сна и холода, укрылся мрак–лазутчик
Сияньем золотого янтаря.
Туман души сбивается в пушистые клубочки,
Как дым от пережаренных котлет...
В тетради изрисованной стихи – за строчкой строчки...
Но кто не пишет строк в семнадцать лет?

Морщинки шаловливые кленовым звездопадом
Упали на седую мураву.
Росинки сиротливые алмазным виноградом
Усеяли прохладную листву.
Гремит в порыве ярости дыхание минуты,
Как звон от недосчитанных монет...
В тетради изрисованной по пунктам – бунт за бунтом...
Но кто не строит бунт в семнадцать лет?

Короной белоснежною две лунные дорожки
Покрыли непроглядность тишины.
Искристые проталины смешались, как в окрошке,
И спрятались за облаком луны.
В углу шуршат бессовестно обрывки дикой фальши,
Как фантики от приторных конфет...
В тетради изрисованной – «Как жить мне, люди, дальше?».

Но кто же знает, как...в семнадцать лет?

Немного ночной меланхолии

На сердце груз лежит ничком.
Часы – давно за полночь.
Усталый мозг заплыл жирком,
Как чеховский Ионыч.
Его не лечит злая мгла,
Пропитанная ветром...

Увы и ах – не помогла
Духовная диета.

В шкафу души летает моль,
Съедая крошки мыла.
В глазах – тоска...тревога...боль...
Две булочки с повидлом...
Смеется хрипло доброта,
Отравленная газом...

Желудок греет пустота,
Она же – плавит разум.

Забыты звук, дыханье, сон –
Надолго и всецело.
Без слов танцует вальс–бостон
Обманутое тело.
Звенят обломками цепей
Мосты из сладкой ваты...

Пустой комок смешных идей...
Их точно кот наплакал.

В тумане призрачных квартир
Рассвет мелькает птицей.
Решил устроить барский пир
Он где–то за границей.
Неважно с кем...когда...и как...
Быстрее! И подальше!

В душе не гаснет тихий мрак.
В окне светает раньше.

Тюменская осень

Осень тюменскую люди недаром
Ласково кличут порой золотою!
Стал нам сокровищем, истинным кладом
Дивный пейзаж под небесной фатою.

Гордо сверкает янтарное солнце
В облачной чаше медового неба.
Сонно сияют колосья–червонцы
Теплой периной сибирского хлеба.

Ярким пожаром кленовые листья
В вихре бегут под лимонным закатом.
Грозные молнии в сумрачной выси
Смело блестят переливом граната.

Где–то в низине искрятся росинки,
Прячась игриво в веснушчатых травах.
Призрачным строем летят паутинки
В огненный шквал золотистой дубравы...

В жарком кострище шафрановых лилий
Блеклые дни, словно тучи, растают...

Жаль, только птицы все это не видят –
Птицы на юг, как всегда, улетают.
Корабли
Мы с тобой, гонимые мечтами,
Разошлись, как в море корабли...
А осели где-то на мели,
В островах под сонными горами.

Бросив якорь в бездну тишины,
Мы встречали мрачные рассветы...
Мы искали тайные заветы
В безобразных пятнышках луны.

За рекой печали и тоски
Наши взгляды вдруг соприкоснулись...
Мы, вспылив, бесшумно отвернулись,
Словно сердцу злостные враги.

Наш корабль уплыл в далеком прошлом,
Горизонт украл его с кормой...
Ну а мы с тобою на покой
До сих пор отправиться не можем.

Нам милей затравленный песок,
Чем волна на пламенном просторе...
Нам милее небо на затворе,
Чем свободы светлый горизонт.

Ревность

Если честно, хотела понравиться.
Укрывалась различными силами,
Но увы – скоро это проявится...
Извини...я немножко ревнивая.

Между нами – пути, расстояния.
Между нами – людей больше тысячи.
Вдруг какой–то из них в наказание
Уведет тебя, мальчик мой...слышишь ты?

Вдруг какая–то девушка странная
Под сердечко тебя заграбастает?
Вдруг красавица рода богатого
Укротит тебя денежным панцирем?

Я с усмешкой шептала отчаянно
«Я не знаю понятия ревности».
Не лгала – лишь забыла нечаянно
Что меняются с возрастом ценности.

Я хотела, мой милый, покаяться...
Вот и руки в молитве заложены.
Попытаюсь со всем этим справиться,
Ибо мне ревновать не положено.

Оказия

Как же трудно теряться в прострации...
Убегать от проблем безалаберно...
Наблюдать деградацию нации,
От бессилия плача отчаянно...
Перед сном размышлять о несбывшемся...
Затевать между строк революцию...
Прятать сны под железными крышами,
Словно золота добрую унцию...
Все прогнозы свои, предсказания
Укрывать от врагов и предателей...
И, совсем не боясь наказания,
Защищать тайну знаний искателей...

Как же трудно понять, что не кажется,
И принять все свои безобразия...
Может, в будущем все и завяжется...

Но пока – вот такая оказия.

Андрей ПОНОМАРЁВ

ДВА ДЕДА

Да, так случилось, что дед не воевал!
Он молод был ещё и слишком мал.
Не знал тогда малец,
что в жизни будет…

Я помню, как стыли мои руки, когда мы с приятелем зимой в редко лютый мороз ехали за сеном на Тобол – там покос летом был, а всё сено свозить не успели. Не себе домой, колхозному скоту нужно было. Один раз скатались на быках туда, обратно; второй раз… а на третий у меня околели ноги. Где-то на восьмом километре я закричал от боли – (Здесь дед прослезился, я видел, как всё это снова мелькнуло перед его уже не яркими, старенькими глазами) – Мой товарищ – добрый парень был, выхватил вожжи из моих, практически не шевелящихся рук и с отчётливым пониманием ситуации произнёс громким уже не детским голосом: «ТРРРРР… ТРРРР… Кому сказал!».

Когда мы вернулись обратно в колхоз, нас начали тут же бранить, мол, почему план не выполняете? Страну в трудное положение ставите! Сейчас на фронте провизия нужна, точно так же как сено нашим коровкам-кормилицам! Мой дедушка сидел на стуле, чуть не плача, а на девятилетнего ребёнка кричал, как на равного, уже седобородый мужчина. Нервная струна натягивалась сильнее и сильнее, у дедушки только-только немного зашевелились пальцы на ногах, как он вскочил на ноги и истерично взвыл со слезами на глазах: «Расстреляйте меня! Расстреляйте, не могу я ходить, ноги околевшие!» – тут же падая, продолжал из последней мочи орать сорванным детским голосом – «Расстреляйте… расстреляйте». Малыш свернулся в клубочек и плакал-плакал-плакал…

Председатель колхоза не смог бороться с человеческой жалостью и бросился к ребёнку. «Ваня, Ваня…» – говорил он – «Перестань плакать, наши бойцы на фронте не плачут! Прости меня, что накричал, прости…». Начальник сел рядом с маленьким Ваней и как своего (тогда все были, как свои…) по-отцовски начал гладить по спине и голове, приговаривая: «Ну что ты, Ваня, ну что ты…».

Дед рассказывал эту историю многократно, но я каждый раз внимательно её слушал. Подвиги свершались не только на полях сражений,

но и в тылу, иногда подвиги гражданских людей ценой были гораздо выше всех иных. Искренний поклон тебе – Пономарёв Иван Алексеевич!

* * *

Я не забыл! Люблю тебя любого!
Я не забыл! Люблю тебя и всё!
О, дед Володя, гнобило тебя горе…
О, дед Володя, прости его за всё!

Мой второй дедушка – дед Володя всегда был добр душой и пьян, к сожалению. Но я его не виню, это жизнь. Он поймал алкогольную зависимость в армии – служил он в Красноярске в ракетных войсках – спирта было, хоть в реку лей, вот ребята и баловались с ним частенько. Он не рассказывал подробно об этом. Зато все мои воспоминания о покойном дедушке – светлые, счастливые! Даже вспоминая, случай, когда дед кидал в меня полено, а я от испуга заревел и убежал к своим вторым бабушке и дедушке – сейчас приобретает другую окраску. Я, безусловно, хочу вернуться в то время, когда всё это происходило. Я искренне скучаю по нему и люблю, сейчас даже сильнее… Вся его жизнь была наполнена одним горем – водкой, как мы только с ней не боролись, всё бестолку. А дедушка в колхозе телёнка продавал за пузырь, ходил живность по деревне лечил за «стакан» – не нам его судить, всему есть свои причины. А я повторюсь – я его очень люблю. Он был простаком! Наверное, отчасти я такой же. Были такие дни, когда он был трезвый – хозяйничал что-нибудь в ограде – строил лодки, распутывал сети или ездил с бабулей и со мной в лес за сухостоем.

Когда ему брякнуло примерно 62 моя бабушка не выдержала муки(драки, крики…) и переехала от него к нам в городок – она всё правильно сделала (продлила себе жизнь) и теперь будет нас радовать своим присутствием и заботой.

Я сожалею о том, что иногда не ценю это, как тогда не сильно ценил своего деда. А он что? Он редко бывал трезвым, но эти моменты мне очень нравились, мы часто разговаривали с ним о жизни – с малых лет я мог разговаривать с ним на равных, иногда даже с матерком…

Я рассказывал ему о своих детских тогда ещё проблемах, а он как своему лучшему другу давал советы…

Я не видел его последние дни жизни, жалею об этом, а ведь по сути всё могло быть по-другому – сами не ценим! Да он был алкоголиком, но ведь

оставался человеком – мы могли бы взять его к себе, не давая ему этой отравы… Ведь могли же, но жизнь берёт своё – жить всем хочется спокойно и мне, и маме, и брату… Вот так иногда жертвуем ради этого комфорта очень ценным… тем ценным, которое не вернёшь назад.

Сегодня я многое хотел бы рассказать дедушке Володе, поделиться тем, что не могу сказать никому, он был самым надёжным другом. Доброта и простота – увели дедушку не в лучшую жизнь, но если бы не эти в нём качества, возможно, что я бы это сейчас не писал и меня бы в помине на этом белом свете не было! Я говорю своему деду искреннее спасибо! Я счастлив, что у меня был и есть такой дедушка, как ты! Я тебя люблю!

Ксения СКЛЮЕВА

* * *

Прости нас, Господи, рабов,
Навечно взятых на служенье,
Живя под тяжестью оков,
Молить, упавши, о прощеньи
Лишь остается только нам,
Неверным и твоим рабам.

Не верят в Вас отныне люди,
Приходят, просят всё на блюде,
Одни грехи христьян убогих…
Их мало только у немногих.

Просить долги свои забыть,
И вновь рабов своих простить,
Приходит каждый, но, не веря,
А просто, чтобы скинуть бремя.

Спаси нас, Господи, спаси,
Прими поклоны с покаяньем,
И от грехов освободи,
С чистосердечным сим признаньем.

О сне

страна чудес, страна игры,
грез сладких, вин и милой Лиры,
страна мечты, страна рассвета,
улыбок, счастья, дум поэта,
сказать точней бы - идеал,
о ком любой из нас мечтал,
за пять минут увидеть много,
пути людей, судьбу и бога...
купаться в цвете; черно-белом,

и жить душой и жить всем телом,
умеем там ничуть ни мало,
вы посудите как бывало.
а Явь - скупое забавленье,
А Навь - красивое виденье,
пусть есть обман, пусть правды мало,
зато эмоций сколько дАло,
то Царство Сказки, Царство Были,
о том, что люди не забыли:
тот мир уводит, что от боли,
страданий, страха, слабой воли,
фонтан, который дышит влагой.
источник жизни, мира, блага.
глаза открыв, все также тихо.
И не тревожит больше Лихо.
лежишь, Морфей тебя обходит,
туман пуская, в Сон уводит.

* * *

Помнишь, пускали кораблики
Мы в водосточные трубы,
Помнишь, как грызли сосульки,
Сжав посиневшие губы,
Помнишь, играли мы вместе
Возле дороги у дома…
Жаль, что прошло это время,
Жаль, что уже не знакомы...

Василий СЛОБОДЕНЮК

Грустинка

Когда в краю чужом,
невольно сердце загрустит,
Мы вспомним вдруг
берёзок хороводы,
И запахи хлебов
и сладость горькую полыни,
И первых поцелуев чистоту,
хранимую поныне.
В далёкой юности
нередко торопили дни,
Не замечая, как уходят годы,
и гаснут первых чувств огни.

Не могу я забыть

Не могу я забыть нежный взгляд милых глаз,
Что согрели меня в этот сумрачный час.
Словно в сказочном сне я увидел их свет,
Без твоих карих глаз в сердце радости нет.

Как тепло на душе от улыбки твоей,
На других ты, родная, смотреть так, не смей!
И когда в дальний путь от тебя уходил,
Поцелуй твоих уст на губах сохранил.

Ночь уже на дворе, я иду в тишине,
Вижу твой силуэт в освещённом окне.
Тихо в дверь постучу и неслышно войду,
И устами к устам, чуть дыша, припаду…

В моём сердце печаль

(романс)

В моём сердце печаль и тревога,
Расставаться с мечтою мне жаль.
Вновь один от чужого порога,
Ухожу я в безвестную даль.

И бежит мне навстречу дорога,
Средь бескрайних лесов и полей.
Я не буду судить тебя строго,
И меня ты ничуть не жалей.

Я любил тебя нежно и страстно,
Но открыться тебе не сумел.
Для меня всё, что было – прекрасно,
В своих песнях об этом я пел.

В каждой строчке я солнечным светом,
Образ твой, как цветок согревал,
И весна была в сердце, и лето,
По земле не ходил я – летал.

Но лучей животворных и света,
От закатного солнца не жди.
И в душе моей нет уже лета –
Всё, что было – теперь позади.

Вспоминаю без грусти былое,
Ждать, надеяться я перестал,
И хочу я теперь лишь покоя –
Быть не милым, я просто устал.

В моём сердце печаль и тревога,
Расставаться с мечтою мне жаль.
Вновь один от чужого порога,
Ухожу я в безвестную даль.

Любимой

Моей любимой жене Иринке – посвящаю.

Деревья–невесты в белом цвету,
Мне подарили любовь и мечту.
Время – жар–птицу, спугнуть
не спешу,
Что для любимой не сделал –
свершу!

Влажное небо роняет дождинки,
В милых глазах расцелую смешинки.
Образ любимый в сердце живёт,
Гимн о весне природа поёт.

Свет твоих глаз озаряет мне душу,
Ветры шальные его не потушат.
Мне бы к устам прикоснуться устами,
Счастье беречь не устану с годами.

Деревья–невесты в белом цвету,
Мне подарили любовь и мечту.
Время–жар–птицу, спугнуть
не спешу,
Что для любимой не сделал –
свершу!

Печаль

Скрежет зубовный себе на беду,
Ночью унять я никак не могу.
Рушатся зубы, крошится эмаль,
Как не скрипеть, коли в сердце – печаль?

Три грани

Три грани таланта мы дорого ценим,
Без них не достичь ни вершины, ни цели.
В них мудрость простая – упорство и воля,
И труд бесконечный до пота и боли…

Раздумья

Как трудно сознавать,
Что ждут нас одиночество
и старость.
Ещё карабкаюсь,
Ещё все мерзости вокруг
меня приводят в ярость.
Ещё живут душа и тело,
Ещё готов осилить я –
любое дело..
Но мир вокруг –
завистлив и жесток,
Чуть ослабел ты,
вмиг столкнут в поток.
И руку помощи
тебе не подадут,
Быть может и друзья
на тризну не придут…

Христина СЛЯЧКУС

Россия

Люблю российскую державу,
Ее просторы величавы,
И красота так необъятна
Кому-то даже непонятна…
Что в ней неведомая сила
Куда-то вдаль всегда манила,
И все загадочно там жили,
И видно чудеса там были.
Об этом люди в старину
И сами говорили …

20.08.2003

* * *

Вся наша жизнь,
Как млечный путь
Таинственна и неизведанна,
И не заглянешь ты в тупик,
Чтобы узнать Вселенную.
Лишь видно звездное пространство,
И хочется туда прорваться,
Но главное сейчас – не оборваться.
И будешь ты с большими знаться!

На грани времен

А в этом мире все не вечно!
И кажется почти зловещим,
Что создаем и что творим
Бесследно гинет без причин.
И только души тут живут.
И нас преследуют и ждут.
Мы так привязаны к тому,
Что было в прошлом? Почему?
И для чего все это знать?
Чтоб нам самим душою стать?
Вся наша жизнь совсем не вечна
Она горит, почти как свечка,
И угасает в один миг.
Вот исчезает и твой лик…!

20.08.2003.

О Тюмени

Стоит Тюмень на берегу реки.
Там храм Господень у воды,
И все божественно красиво,
И птичье пенье доносилось,
А солнышко вокруг светило,
Что на воде все отразилось.
Там было все так необычно,
А мне хотелось, как привычно.
Чтоб наша жизнь тут
длилась вечно, чтоб было
все тут бесконечно!

20.08.2003

Смысл жизни

Божий дар в тебе живет
И тобою правит.
Хочешь жить или не хочешь ?
А судьба заставит!
Этот дар чего-то стоит,
В нем большая тайна.
Что тебе сейчас дано,
Все не просто явно!

Судьба России

Судьба России интересна,
А может даже неизвестна…?
Каким же будущее будет?
За что нас бог сейчас осудит?
Какие бедствия пошлет,
Чтобы раскаялся народ,
И чтобы грешная земля
Свою святыню обрела

20.08.2003.

Друзья! Коллеги по перу!

Редакция литературного альманаха «Арион» начинает собирать материал для очередного сборника. Мы ждём от вас в электронном виде рассказы, стихи, эссе и другие литературные произведения объёмом не более 5 страниц компьютерного набора (Arial 12, пробел 1.5).

Произведения принимаются только после обсуждения их на заседаниях литературного объединения.

Материалы редакция не рецензирует.

До встречи на заседаниях ЛИТО, которые обычно проводятся в Гуманитарном институте ТюмГНГУ каждый последний вторник месяца в 18 часов.

Новых вам творческих успехов и удачных литературных дебютов!

Содержание

Вместо предисловия 3
Ян БОМЕ 5
Юрий БУТАКОВ 9
Ольга БЫЧКОВА 13
Воронцова 18
Сергей ДЮКАЛОВ 22
Лидия ЖЕБУТИНСКАЯ 28
Сергей КАМЫШНИКОВ 31
Анатолий КИСЕЛЁВ 36
Владислав КОРНИЛОВ 40
Егор КОСИН 45
Марина КОСПОЛОВА 49
Станислав ЛОМАКИН 54
Вета МООР 60
Ольга ОЖГИБЕСОВА 64
Юрий ПАПИН 68
Федор СЕЛИВАНОВ 71
Дарья СЕЛИВАНОВА 75
Миля ХАРЧЕНКО 80
Алексей ШЛЯКОВ 85

Литературный дебют

Надежда ЗИБОРОВА 91
Мария МИКЕРИНА (Мария Цыган) 92
Андрей ПОНОМАРЁВ 98
Ксения СКЛЮЕВА 101
Василий СЛОБОДЕНЮК 103
Христина СЛЯЧКУС 107

Арион

Литературно-художественный альманах литературного объединения Тюменского государственного нефтегазового университета

Компьютерная верстка, оформление
В. Михайлов.

Подписано в печать 12.09.2013. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура Myriad Pro. Усл. печ. л. 5,88.
Тираж 500 экз. Заказ № 18760.

Типография ООО «Сити-пресс»
625019, Тюмень, ул. Республики 211.

Тел. (3452) 27-37-00, 27-31-62.

СЕВЕР - НАШ!